

МИХАЭЛЬ БЕРГМАН
КТО ОБЫГРАЛ
ГРОССМЕЙСТЕРА?

Кто обыграл Гроссмейстера?

Михаэль Бергман

Дисклеймер

Настоящее произведение является сатирическим и публицистическим художественным текстом. Все персонажи, образы, диалоги, оценки и события, описанные в книге, являются литературным обобщением, гротеском и авторской интерпретацией, использующей приёмы сатиры, иронии и художественного преувеличения.

Любые совпадения с реальными лицами, организациями или событиями являются случайными и не могут рассматриваться как утверждение фактов. В нём отражаются не конкретные люди, а типы мышления, механизмы власти и формы манипуляции, доведённые до гротеска.

Произведение не является утверждением фактов, не содержит медицинских, юридических или иных экспертных заключений и не направлено на унижение достоинства конкретных лиц, а представляет собой форму общественной и культурной критики, допустимой в рамках свободы слова, художественного высказывания и сатиры.

Мнение персонажей не обязательно совпадает с позицией автора.

Любые совпадения с реальностью — не доказательство, а повод задуматься.

Оглавление

Вступительный монолог «Что-то в механизме скрипнуло...»

Глава 1. Становление от справки к диплому. Кто же тот «второй»

Глава 2. Создание врага для масс

Глава 3. Путь и становление науки ненависти

Глава 4. Схема «Клевета-Депутат-Дело»

Глава 5. Воспитание юных доносчиков

Глава 6. Взлом правовой системы

Глава 7. Когда слова теряют силу

Глава 8. Законодательство для одного зрителя

Глава 9. Гроссмейстер в потёмкинской деревне. Суммируем стратегию профессора

Глава 10. Два канала финансирования

Глава 11. Итог работы профессора ассенизации: империя из говна и на говне

Заключительный монолог о стратегическом ресурсе

Вступительный монолог

«Что-то в механизме скрипнуло...»

Как известно, в России две беды, как говорят, дураки и дороги. Я никак не пойму, кто на дороге, а кто дурак. Но между ними проскакивают еще и другие.

Вот слушайте, я вот чего не понимаю. Может, вы мне объясните? У меня с арифметикой всегда было нормально. С логикой, говорят, тоже. Но тут... тут что-то не сходится.

Вот смотрите. С одной стороны — человек-камень. Глыба. Прошел такую школу, после которой люди либо стихи пишут о вечном, либо молчат о вечном. Гроссмейстер. Он смотрит на тебя, а видит, о чем твоя теща думала в семьдесят третьем. Он по походке определяет, брал ли ты в долг у соседа. Человек, который одной фразой про сортир вошел в историю мировой дипломатии. Это вам не фунт изюма. Это — система. Мощь. Вертикаль.

А с другой стороны... С другой стороны — человек, который в молодости боролся с этой самой системой. Джинсы, длинные волосы, «make love, not war». Потом уехал в Америку. Тоже боролся, но уже за деньги, на радио «Свобода». Слушал хорошую музыку, дышал другим воздухом, получил три диплома, один из которых — по истории Средних веков. Видимо, готовился.

И вот этот второй, который сам бывший хиппи, возвращается. И начинает объяснять первому, который бывших хиппи сам гонял, что главная угроза стране — это не коррупция, не дураки, не дороги. Главная угроза — это другие бывшие хиппи. Ну, или йоги. Или те, кто в Библии читает не ту страницу. И называет он это страшно — «тоталитарная секта». Слово-то какое... тяжелое. Не наше, не русское. Как «чизбургер». Сразу чувствуется импортное качество.

И первый, который Гроссмейстер, который КГБ, который должен видеть насквозь... он слушает! Он кивает! Он хмурит брови и говорит: «Да, угроза... Растут, секты как грибы».

И у меня в голове не щелкает. Как? Как человек, натасканный на выявление самых хитрых шпионов, не разглядел простого фокуса? Это же классика! Прийти к самому сильному и сказать: «Смотри, вон там враг! Маленький, но очень опасный. Только ты можешь нас спасти». И сильный, которому скучно, которому хочется подвига, который обещал всех мочить в сортире, но правда не сказал, как

и чем вернее, из чего мочить, говорит: «Где? А, вижу! Сейчас мы его... да в сортире!».

Это же гениально! Это не шахматы, это игра в поддавки. Ты ему подсовываешь фальшивого врага, а он тебе за это — настоящие законы. Ты ему — лекцию для студентов ФСБ, а он тебе — пост главы совета при Минюсте. Ты ему — страшилку про то, как йоги захватят Кремль, а он тебе — «закон Яровой».

И сидишь, смотришь на это все и думаешь... Может, в консерватории что-то подправить? Может, Гроссмейстер просто устал? Или, может, тот второй, который с дипломом по Средним векам, знает какой-то средневековый секрет, ну кто-то и Тутанхамом правив. А говорят еще, что и даже самим Чингисханом кто-то манипулировал. Но то, что Сталиным кто-то манипулировал, я не верю, не может быть. Но как, самим Гроссмейстером, так легко и просто? Пришел, помахал кадиллом с американским запахом и сказал: «Теперь твоя главная забота — духовная безопасность. А кто ее нарушает, я тебе буду говорить».

А тот, кто Гроссмейстер и рад. Потому что бороться с коррупцией — это долго. Дороги строить — бессмысленно, это ж Россия. А бороться с сектами — просто. Они же верующие, они же не сопротивляются. Они же не верят причем ни в партию, ни в КГБ, они же в Бога верят, они не сопротивляются. Они молятся. А это, с точки зрения КГБиста, — самое подозрительное. Человек сидит тихо, глаза закрыл... Явно что-то замышляет.

Таких только на нары, и экстремизм на плечи. Тем более экспертизы вот тот второй, который приехал, наката с больной головы на здоровую.

И вот так, потихоньку-полегоньку, человек, который сбежал от системы, построил свою собственную. Прямо внутри той, большой. Маленькую, уютную, свою личную тоталитарную секту по борьбе с сектами. И стал ее несменяемым гуру.

И знаете, что самое смешное? Он ведь победил. Победил всех. И хиппи, и йогов, и свидетелей, и здравый смысл, и даже Гроссмейстера, любителя «в сортире» обыграл прямо там, по-мокрому. Одно он только не победил пока что в людях, и то, не у всех — это чувство юмора. Но многие уже даже дома не смеются, даже на кухне, боятся, что подслушивают, например, с китайских утюгов. Тем более, что вот тот первый, который дружит с тем, кто утюги производит, который серьезный такой и с флагом ходит, вот тот первый, который выбросил за

ненадобностью, но мечтает вернуть, причем территорию, которая раньше гораздо больше была, но при условии, что станет Гроссмейстером.

Так вот, смеяться страшно, утюг китайский — кто слушать будет? КГБ — нет. Но есть другая аббревиатура. Смысл тот же, знаете, как соль, как ни назови, она все равно соленая. Напиши на солонке «сахар» — и, что, она слаще станет? А утюг — дело серьезное, и кофейная машина, и стиральная машина. А холодильник? Даже если написано Samsung — нет, все производится там, у хмурого такого, с флагом. Страшно, люди боятся. А некоторые даже в душе молчат, страшно, неизвестно, кто лейку создал. Негде расслабиться русскому мужику, разве что на рыбалке. И то, если уходит подальше от удочки. Ведь поплавки тоже от хмурого и серьезного, что под флагом ходит. Поэтому мужики перестали водку на рыбалке пить, а то напьёшься и сольёшь всё — и тебя потом, мокрого, из сортира и прямо на нары, и ты уже экстремист. Но не догадывается русский мужик, что не первый не виновен, а тот, другой. Первый о себе заботится, о том, чтобы прожить лет 150. Это они придумали вместе, первый и той что серьёзный с флагом, что править долго будут, чтобы никто не расслаблялся. А за ними, за первым и вторым, стоит тот, другой, со справками, извините, с дипломами, кто лекции читает студентам. Он такой умный, читает лекции, как возродить то, чем так гордятся первый и второй что победили... Они же очень боролись против тех, кого второй возрождает на всю страну ...за их спинами, вернее, прямо перед их лицом. Они ведь оба из тех, кто за спиной хорошо видит, а перед глазами ничего. Когда-то оно было сложным, а теперь проще.

У первого, Гроссмейстера — на нарах и мокрый, а у второго мало того, что на нарах, еще и печень вырезали. Так им сказал тот другой. Они мало того, что решили 150 лет жить, так еще те, кто претендует на их место, на органы разбирают, на шаурму. Вы видели сколько раньше было шаурмы, так второй теперь убрал всю шаурму. Так второй решил перед глазами у первого. А первый кивает лишь молча, и с тем, что утюги делает, лишь бизнес делает. Они того, что частично без уха остался, думают, как бы того полуухого в бизнесе развести. Там, конечно, все не понятно. Я не специалист в макроэкономике, тем более когда они все такие молодые и сильные, по 150 лет решили жить. А тот, со справками, точнее с дипломами, вряд ли им даст такую власть, потому что он точно знает, что делает не с тем, кто в дороге, с ними вряд ли что-то сделает, но точно знает, сказал, что со второй бедой точно разберется. Он сразу всем клеймо и на нары, и на органы. А чего мелочиться?

И когда смотришь на это, остается только смеяться. Горько. Сквозь слезы.

Глава 1. Становление от справки к диплому. Кто же тот «второй»

Откуда берутся такие таланты? Их же не в инкубаторе выводят. Хотя... смотря что называть инкубатором.

Нашего героя создали в лучшем учреждении страны по работе с альтернативным мышлением. Психиатрическая больница № 14, город Москва.

У нормального человека как? Биография. Родился, учился, женился. У нашего — анамнез. И это, я вам скажу, гораздо перспективнее. С обычной биографией ты можешь стать инженером. С хорошим, подробным анамнезом — кем угодно. Хоть экспертом при Минюсте.

В юности он, как мы помним, был хиппи. Слушал музыку, размышлял о мире. Видимо, доразмышлялся до того, что специалисты в белых халатах поставили ему диагноз — «вялотекущая шизофрения».

И тут случилось то, что для одного — клеймо, а для другого — пропуск в светлое будущее. В советское время с таким диагнозом можно было либо тихо сидеть в палате, либо громко уехать на Запад. Наш выбрал второе. Так справка о душевной болезни стала его первым билетом в свободный мир. Он уехал в США не как диссидент, а как... ну, как тот, кому здесь климат не подошел. Ментальный.

Америка его приняла. Дала гражданство. Дала образование. Он даже поработал на радио «Свобода». Слушайте, это же готовый сюжет для трагикомедии! Человек, официально признанный в СССР сумасшедшим, учит из-за океана нормальных людей, как правильно думать. Уже тогда в этом был стиль.

Но настоящий его талант раскрылся по возвращении. Россия девяностых — клондайк. Все искали нефть, ваучеры, цветные металлы. А он привез с собой уникальное ноу-хау. Он понял, что главная валюта новой эпохи — не доллар. А компромат. Грязь. То самое вещество, в котором он, как выяснилось, был специалистом мирового уровня.

Девяностые... Время было мутное. Как вода в отстойнике. Наверх всплывало всякое. Кто-то всплывал с деньгами, кто-то — с автоматом, кто-то — с депутатским значком. А наш герой всплыл с идеей. И это оказалось страшнее всего остального вместе взятого.

Он вернулся в Россию не как все. Нормальные люди везли джинсы, видеоманитоны, жвачку. Он привез с собой врага. Готового, упакованного, с инструкцией по применению: «тоталитарные секты». Это был лучший импортный товар эпохи. Потому что враг — вещь в хозяйстве незаменимая. На него можно списать всё: развал, нищету, собственную глупость.

И он пошел с этим товаром туда, где на него был самый большой спрос, — к людям в погонах.

Представьте себе картину. Сидят в актовом зале серьезные мужчины. Полковники. Майоры. У них на лице — вся скорбь развалившейся империи. Они привыкли бороться с ЦРУ, с «Голосом Америки», с диверсантами в лесах. А тут — рынок, демократия, свобода слова... С кем бороться? Где враг? Непонятно. И от этого им неуютно. И тут на трибуну выходит он. Александр Дворкин. Еще молодой, зато уже одержимый идеей. Вроде бы робко и несмело, зато в глазах — огонь сертифицированного специалиста по безумию. И начинает говорить.

Он не говорил про экономику. Он не говорил про политику. Он говорил про грязь.

— Товарищи офицеры! — он не говорил «господа», он чувствовал аудиторию. — Страна в опасности. Новая угроза страшнее ядерной бомбы. Тоталитарные секты! Это духовная зараза. Она проникает в умы наших детей, в души наших жен! Они занимаются йогой, они поют «Харе Кришна», они читают странные книги! Это информационные стоки, которые текут к нам с Запада, чтобы нас поработить!

Полковники хмурились. Йога? Кришна? Какая-то ерунда. Они ждали шпионов, а получили вегетарианцев. И тут наш герой доставал главный козырь. Метафорический.

— Вы думаете, это просто чудаки? Нет! Я знаю этот мир изнутри. У меня, можно сказать, профильное образование! Чтобы понять логику безумца, нужно... немного побыть им. Я видел, как это работает. Это не просто танцы. Это

технология порабощения! Они вербуют лучших! Завтра он медитирует, а послезавтра — продает Родину за миску риса!

И этот гипноз сработал. Потому что он дал людям в погонах то, чего они жаждали: простое объяснение. Враг — вот он. Он не носит фрак. Он носит оранжевые простыни. Он не прячет микропленку в ботинке. Он поет мантры. Его легко опознать. Его легко ненавидеть.

Он превращал службу безопасности в санитарную инспекцию. Его сеть влияния росла не как шпионская резидентура. А как плесень. Потихоньку, в самых темных и сырых углах государственной машины.

Так, вооруженный справкой из психушки и чутьем на нечистоты, блудный санитар начал великую ассенизацию страны. Он не захватывал власть. Он просто делал мир вокруг себя грязнее. А в мутной воде, как известно, легче ловить большую рыбу. Или, по крайней мере, казаться большим специалистом по рыбной ловле.

Об этом уже говорит полмира, и пройти мимо, делая вид, что ничего не слышали, мы просто не смогли. Как люди говорят, речь идёт не о намёках и не о метафорах, а о весьма специфическом пристрастии — таком, что не каждому объяснишь и уж точно не каждому на голову наденешь.

Говорят, профессор ест говно. Именно так — без аллегорий. И без этого, по тем же разговорам, он, как так культурно выразиться, не может закончить: мысль не сходится, текст не закрывается, идея не доходит до логического конца. Не поел — не финишировал.

Почему он это ест и зачем норовит кормить этим других — разбираться в этом феномене мы не собираемся. Это уже не литература. Нас интересует другое, куда важнее: то ли он — злой гений, и потому его так тянет есть испражнения; то ли он ест говно — и именно поэтому идеи приходят такие, какие приходят.

И тогда многое проясняется: это не вдохновение и не озарение — это последствия рациона

Его копрофилическая фиксация, по словам его бывших студентов, стала не извращением, а профессиональным навыком. Он обладал уникальным чутьем. Там, где обычный человек видел кружок по йоге, он видел «рассадник заразы». Там, где люди медитировали, он чуял «ментальные нечистоты». Дворкин не был просто сектоведом и уж тем более «профессором богословия». Он

был профессором Ассенизации. Он доказывал всем, что быть чистым — подозрительно. Если ты не пьешь, не куришь и по утрам делаешь зарядку, ты точно что-то замышляешь. Наверное, свержение строя. Ты, стало быть, однозначно тоталитарный сектант.

Но почему ему поверили?

А я вам скажу, почему. Чтобы сохранить привычный комфорт. Ведь настоящий комфорт — это не теплый плед. Это понятный враг. Когда ты знаешь, кто виноват в сквозняке, в комнате становится теплее.

Нашему человеку не нужна карта мира. Ему нужна табличка: «Враг — в той стороне». И вторая табличка: «Патриоты — в этой». Всё. С географией разобрались.

Профессор продал им не правду. Он продал им компас, который показывает только в одну сторону. И какое облегчение! Не надо думать, выбирать, сомневаться. Просто маршируй.

Глава 2. Создание врага для масс

Однако наш профессор направлял свой потенциал «устрашения» не только на людей в погонах, исправно наставляя их о том, где искать настоящих врагов — сектантов. Главной его мишенью были простые люди, россияне. Надо было чтобы они, в первую очередь, поверили в то, что внутри есть враг, которому надо противостоять. Для Дворкина было главным наполнить ненавистью самих граждан. Банальной ненавистью друг к другу.

Вы помните, в девяностые, как мы все сидели у телевизоров и заряжали воду? Ставили трехлитровые банки, и какой-нибудь целитель Чумак, с лицом мудреца, молча делал руками пассы. И вода, говорят, становилась лечебной. Смешно, конечно. Но профессор, он же человек научный, с американским подходом и не только, понял: метод рабочий, но товар — мелковат. Что такое вода? Он решил заряжать не воду. Он решил заряжать мозги. И не какой-то там положительной энергией. А чистой, концентрированной, дистиллированной ненавистью. Он понял гениальную вещь: чтобы тебя услышал один Гроссмейстер, тебя сначала должны услышать миллионы домохозяек.

И он стал звездой телеэкрана. Главным экспертом по страху. Вы наверняка видели такие сюжеты по ТВ, замечали, как однотипно они срежиссированы? Сначала — тревожная музыка. Кадры: какие-то люди в балахонах, кто-то поет странное, кто-то просто обнимается — снято так, будто это последние минуты Помпеи.

Зловещая музыка. Что-то среднее между саундтреком из «Челюстей» и советским военным маршем. Сразу становилось понятно: враг не дремлет.

Нарезка «ужасов». Мутные кадры, снятые скрытой камерой: люди в белых одеждах хлопают в ладоши. Женщина плачет на семинаре личностного роста. Подросток с пирсингом читает странную книгу. Всё это монтировалось встык с кадрами горящего Рейхстага и марширующих солдат НАТО. Логической связи — никакой.

Выход профессора. А потом в студии появляется он. Спокойный, в очках, с интеллигентной бородкой.

Он предупреждал, глядя прямо в камеру: пока люди смотрели сериалы, «они» уже были здесь. Они называли себя «коучами успеха», «духовными наставниками», «инструкторами по йоге», но на деле, по его словам, это были вербовочные ячейки. Сегодня чей-то сын шёл на «динамическую медитацию», а завтра мог переписать на «гуру» квартиру и уехать строить ашрам под Калугой, который, как утверждал он, на самом деле был замаскированной базой ЦРУ.

После этого в студию выводили «жертву». Заплаканную женщину, которая рассказывала, как ее муж, сын, брат, кум «попал в секту», а началось все с музыки, книги, сериала, игры...

И вся страна, от Калининграда до Владивостока, прилипает к экранам. Сидит тетя Маша из Саратова, у которой сын-подросток начал слушать какую-то непонятную музыку и носить черную футболку. Раньше она думала — ну, возраст, пройдет. А теперь ей профессор Дворкин, солидно, по-научному, объясняет: это не возраст. Это — «секта». Футболка — это «униформа». Музыка — это «зомбирование». Ваш сын, тетя Маша, уже не ваш. Он в шаге от того, чтобы переписать на гуру вашу трехкомнатную квартиру и отправиться собирать пожертвования на Арбате.

Информационная клизма Дворкина работала. После каждого выпуска в «сектоведческие центры» по всей стране поступали сотни звонков от

перепуганных граждан с требованием спасти их близких от кришнаитов, мормонов и тренеров по продажам. Спрос на ненависть был создан.

Это был гениальный маркетинг страха. Он брал любую безобидную вещь и превращал ее в угрозу:

- Гарри Поттер? «Пропаганда колдовства, прямой путь в сатанизм».
- День святого Валентина? «Чуждый нам праздник, подрывающий традиционные ценности и ведущий к разврату».
- Занятия по личностному росту? «Психокульт! Они сделают из вас раба!»

Он создал целую вселенную, где за каждым углом подстерегала «тоталитарная секта». Он превратил страну в минное поле, где любая новая идея, любая книга, любая практика — потенциальный взрыватель.

А для чего это всё? А для того, чтобы, когда он наконец придет к Гроссмейстеру, он придет не как одинокий чужак. Он придет как спаситель нации, как голос тех самых перепуганных тетей Маш.

И, наконец, последний, но важнейший элемент информационной системы, выстроенной профессором. Эхо. Любой центральный сигнал был бы бесполезен, если бы его не отражали и не усиливали на местах. В каждом регионе у профессора была своя сеть. Местные епархиальные отделы, «патриотические» клубы и, конечно, районные газеты.

Гроссмейстер строил вертикаль власти. Но профессор понимал: любая вертикаль держится на горизонтали — на том, что у людей в головах. И если эту горизонталь правильно забетонировать, вертикаль будет стоять вечно, даже если давно сгнила изнутри.

Он не просто стучался в дверь власти. Он сначала поджег общественное мнение, а потом прибежал с ведром «сектоведения» и закричал: «Пожар! Только я знаю, как тушить! Дайте мне полномочия!»

Гроссмейстер посмотрел в окно, увидел зарево паники, которое сам же профессор и раздул через телевизор, и сказал: «Действуй. Вот тебе Минюст. Вот тебе законы. Туши».

Это было не просто убеждение. Это был шантаж. Шантаж страхом. Он не доказывал свою правоту власти. Он сделал так, что сама власть пришла к нему за спасением от угрозы, которую он же и выдумал, и распиарил. Как в старом

анекдоте: он продал им средство от тараканов, которых сам же им в карман и подбросил. Искусство, я вам скажу. Чистое искусство манипуляции информацией.

Информационная клизма была поставлена. Общество было «очищено». Оно больше не думало. Оно боялось. Соседа, бородатого тренера, улыбчивого незнакомца и старушку с фиалкой. В этой атмосфере тотального страха любой приказ власти воспринимался уже не как насилие, а как спасение. Профессор добился своего. Он научил Родину не думать. Он научил ее ненавидеть по расписанию.

Это высшая сфера услуг: доставка фасованной ненависти на дом. Сборка не требуется. Но откуда у нашего профессора такая понятная методичка по формированию врага и взращиванию ненависти? А как оказалось, из времен не столь забытых, пахнущих запахом гестаповских сапог...

Глава 3. Путь и становление науки ненависти

А теперь, дамы и господа, давайте заглянем в семейный альбом профессора. Откуда, так сказать, родословная у его «науки»? Неужели из широкой русской души? Ах, если бы. Происхождение у этого «сектоведения» оказалось с таким характерным немецким акцентом, что становится как-то неловко за Отечество.

Если проследить родословную всей его апологетической братии, у которой он почерпнул свои навыки манипуляции ложью и взращивания ненависти, получится настоящая духовная матрёшка — каждый ученик из чрева предыдущего, и все они по одной методичке.

Сначала в 1920-х был Вальтер Кюннет — теолог Третьего Рейха, архитектор духовного гестапо. Он не просто писал проповеди — он чертил схемы, кому жить, а кому в концлагерь. Его апологетический центр выдавал справки на уничтожение — аккуратно, с печатью и богословским обоснованием.

Потом в 1960-х появился Вильгельм Хаак, ученик Кюннета. Человек, который решил: раз уж нацизм проиграл, надо хотя бы его методики спасти. Он аккуратно отмыл «чёрные списки», подкрасил их под «научные исследования» и вернул в оборот — как будто история, знаете, просто немножко испачкалась и её можно протереть.

Дальше в 1970-х эстафету вступил Йоханнес Огорд, ученик Хаака. Он перенёс немецкую школу ненависти в Данию, открыл «Диалог-центр», где диалог состоял из одной реплики: «Вы сектанты!» — и поставил этот процесс на поток, как фабрику духовного фастфуда.

А потом в начале 1990-х появился Александр Дворкин, ученик Огорда, наш профессор ассенизации. Он взял эти старые, добрые, проверенные нацистские методички, стряхнул пыль, перевёл с немецкого на бюрократический и назвал это «российским опытом защиты духовной безопасности». Его «перевод» — это не просто слова, это технология: сбор досье, фабрика экспертиз, легитимация через церковь и внедрение в силовые структуры. Вышло красиво: вместо свастики — православный крест, вместо Гестапо — Минюст, а вместо фюрера — тот первый, который Гроссмейстер.

Как хвастался профессор: *«-Да-да. И так получилось, что я сам очень многому научился у профессора Огорда. Можно сказать, что у нас было два основателя: русский священник Глеб Каледа и датский профессор Огорд. Первые два года я постоянно ездил в Данию, где он проводил обучающие семинары. Сперва я учился сам, набирал литературу – у него была громадная библиотека на тему сектанства. И после каждого семинара или конференции я оставался еще на два-три дня: искал дубликаты книг, ксерил – бумаги в Россию я ввозил чемоданами. Фактически, это и стало основой нашего собственного архива, а ведь ничего подобного в России тогда не было».*

И вот тут-то и случается самый злой исторический анекдот. Гроссмейстер (да, тот самый первый), чья легитимность построена на победе над нацизмом, с серьезным видом начинает бороться с собственными гражданами, используя методички, разработанные и обкатанные в Третьем Рейхе. Он думал, что кует «духовный щит Родины», а на самом деле включил конвейер, который 80 лет назад исправно отправлял в концлагеря... кого бы вы думали? Тех же самых Свидетелей Иеговы, которые и стали первыми жертвами этой машины в России в 2017 году.

Но как очистить головы целой нации от опасных мыслей типа «а почему?», «а зачем?» и «а не пошли бы вы?». И вот тут-то наш герой, подобно человеку, нашедшему на свалке истории ржавый, но безотказный немецкий пулемет, понял: зачем изобретать, если можно адаптировать?

Методы, отточенные в Гестапо для выявления «врагов нации», оказались поразительно эффективны для борьбы с «тоталитарными сектами». Рукоплескали все: и те, кто в погонах, и те, кто в рясах. Парадокс, достойный пера Кафки: для защиты России от «тлетворного влияния Запада» были импортированы самые тлетворные технологии Третьего Рейха.

Глава 4. Схема «Клевета-Депутат-Дело»

В основе любого массового производства лежит чертеж. Простой, надежный, как автомат Калашникова. У нашего профессора он назывался «трюйственный пакт о нечистотах», или, по-простому, «Клевета-Депутат-Дело». Работает безотказно.

Шаг первый: Информационная артподготовка

Прежде чем в дом войдет ОМОН, в него должен войти слух. Грязный, липкий, как осенняя слякоть. Это называется «создание общественного запроса». Профессор ассенизации, начинал с малого. Находил никому не известное интернет-издание с гордым названием «Вестник Заштатного Уезда» и размещал там статью.

Заголовок всегда кричал: «ШОК! Под видом кружка макраме в нашем городе действует ячейка боевиков НАТО!» или «РАЗОБЛАЧЕНИЕ! Любители филателии готовят свержение конституционного строя с помощью марок!».

Дальше статья, как вирус, начинала размножаться. Когда почва была унавожена, на все форумы и соцсети, где упоминался объект, обрушивался рой ботов, ну а что студентам нужна подработка и заслужить доверие преподавателя. Тысячи аккаунтов с котиками и цветочками на аватарках начинали писать однотипные комментарии:

«Доколе?!» «Стоп сектам!»

«Куда смотрит власть?!»

«Срочно проверить! Это угроза нацбезопасности!»

«Моя бабушка говорит, что от этих филателистов все беды!»

Задача этого этапа — не убедить. Задача — создать иллюзию массового народного гнева. Унавозить почву. Чтобы, когда придут с обыском к филателисту, обыватель на кухне сказал жене: «А я слышал, что-то в этих марках нечисто...». Как говорил сам профессор: *"За 20 лет нашей деятельности мы, как минимум, изменили общественное мнение"*. Он не изменил его. Он его испачкал.

Смотрим, что нам поведал академический знаток сект:

«Это очень сложный процесс. Невозможно открыть уголовное дело, пока нет пострадавших. А пока человек в секте, он себя пострадавшим не признает... Если проводить серьёзную операцию с внедрением, усилий потребуется очень много, а результат будет менее очевиден, чем перехват бомбистов».

То есть, дорогие друзья, чтобы посадить сектанта — сначала ищи «пострадавших». Без них — ни суда, ни дела, ни даже «пощёчины от закона». А если сектант ещё и улыбается — вообще беда.

«В основном на добровольной основе. Например, в сентябре мы провели первый в России международный правозащитный молодежный антисектантский форум... Участники учились различать вербовщиков тоталитарных сект и грамотно составлять заявление в полицию».

Замечательно. Подошёл к тебе на улице человек, заговорил — а ты, как настоящий спецназёр идей, различил вербовщика и сразу донос. И лучше быстро, чтобы нарушитель закона не успел оглянуться. Нарушение закона? А, ну да, может быть, предложил не ту книжку. Совсем не страшно. Главное — заявление в полицию.

И о достижениях Дворкина за двадцать лет борьбы с невидимым врагом:

«За 20 лет нашей деятельности мы, как минимум, изменили общественное мнение. Названия ключевых сект у людей давно на слуху, и это очень затрудняет сектантам возможность вербовки новых адептов. Кроме того, повысился уровень информированности местных властей в вопросе, с какими религиозными организациями им стоит сотрудничать, а с какими — нет. Ну и наконец, нам удалось добиться возбуждения уголовных дел по деятельности целого ряда тоталитарных сект, а некоторые из них — даже закрыть. С другой стороны, мы не раз помогали журналистам, на которых

сектанты подавали в суд (а это — их излюбленный метод самопиара), выиграть дела».

То есть, стратегия проста как ясный день:

- Меняем «общественное мнение» — громко, масштабно, торжественно.
- Обучаем местные власти, с кем дружить, а с кем — нет (чтобы не промахнуться).
- Добиваемся уголовных дел — чем больше бумажек, тем крепче победа.
- А если повезёт — закрываем через суд, как банку с вареньем.

И всё это под благородным флагом «защиты прав человека» — с лёгкой ноткой православного здравомыслия, щепоткой бюрократической любви к заявлениям и обязательным «моральным удовлетворением», что где-то там, за углом, обязательно кто-то испугается.

Шаг второй: Легализация через «народного избранника»

Когда информационное болото достаточно проквакалось, на сцену выходил «карманный депутат». Это особый подвид политика, у которого в голове только одна мысль: «Чем бы еще озаботиться, чтобы попасть в новости?». И тут ему помощник подсовывает ту самую статью из «Вестника Заштатного Уезда».

Глаза депутата загораются. Он выходит на трибуну, бьет себя в грудь и произносит пламенную речь:

«Ко мне поступают многочисленные сигналы от обеспокоенных граждан! В нашем славном городе N под видом безобидного хобби зреет угроза национальной безопасности! Как народный избранник, я не могу оставаться в стороне! Я требую от правоохранительных органов немедленно разобраться и принять самые решительные меры!»

В тот же день в прокуратуру уходит официальный депутатский запрос на гербовой бумаге. Всё. Мышеловка захлопнулась. Медийный шум превратился в официальный документ. Это уже не просто сплетня. Это «сигнал». И на этот сигнал машина обязана отреагировать.

Шаг третий: «Работайте, братья!»

Запрос попадает на стол к какому-нибудь майору из Центра «Э». Майор читает. Хмурится. Он прекрасно понимает, что кружок филателистов не может свергнуть строй, даже если очень постарается. Но у него на столе лежит бумага. От депутата. С входящим номером. На нее надо дать ответ.

И он отдает команду: «Проверить». А как «проверить» филателиста? Только с обыском. И вот уже люди в масках врываются в квартиру к пенсионеру, изымая как вещдоки «подозрительные» марки с изображением королевы Елизаветы.

Так, клевета стала поводом для запроса. Запрос стал поводом для дела. Бывший соратник профессора вспоминал, как к ним приходили из Центра «Э»: «...у нас про них никакой информации нет. Не можете поделиться с нами информацией?». И им делились. Щедро. Из ведра.

Шаг четвертый: «Бабка-Провокатор» в суде

Любой конвейер нуждается в сырье. Для фабрикации дел нужны «пострадавшие». Настоящих пострадавших от кружка филателистов найти трудно. Поэтому профессор ассенизации наладил их производство. Инкубатором стали его «Центры реабилитации». А главным продуктом — вечный, не стареющий архетип «Гастролирующей Бабушки».

Это была не просто женщина. Это была функция. Оружие массового поражения. Сегодня она — мать «пострадавшего от йоги» в Иркутске, завтра — обманутая вкладчица «финансовой пирамиды кришнаитов» во Владивостоке.

Как правило, это родственница человека, выбравшего не тот путь. Не тот, который показывают по телевизору. Сын ушел в монастырь, дочь стала веганом, внук увлекся медитацией. Катастрофа!

Она приходит в «Центр реабилитации» не за помощью, а за инструкцией. Как вспоминал очевидец: "к нам приходили, если честно говорить, в основном не пострадавшие, а сами мамы-папы". Там ей объясняют, что ее внук не просто дурью мается. Он — жертва. Завербован. И его надо спасать. Силой.

У каждой такой бабушки был стандартный «тревожный чемоданчик»:

1. Платок (скорбный, для телекамер).
2. Валидол или Корвалол (для имитации сердечного приступа в суде).

3. Папка с шаблонами заявлений в полицию, прокуратуру и администрацию того первого, который Гроссмейстер.

4. Фотография профессора в красном углу, рядом с иконами.

Чтобы понять всю глубину абсурда, достаточно было подслушать один разговор такой бабки с соседкой:

- Петровна: Ох, Марь-Иванна, горе у меня. Внучок-то мой совсем пропал. Наркоман. Все из дома вынес. Полиция руками разводит. Говорят, лечить надо, а он не хочет.

- Марь-Иванна (с горящими глазами): А мой-то! Моего спасли!

- Петровна: Как спасли? От чего?

- Марь-Иванна (понижая голос до заговорщицкого шепота): Он же у меня в секту попал! В эту... как ее... йогой занимался! Дышал там как-то не нашему! Я в центр сходила, к людям знающим. Мне там всё объяснили, заявление помогли написать. И вот! Вчера обыск был! Завели дело! Теперь его точно спасут! В тюрьме.

- Петровна (в недоумении): В тюрьме?

- Марь-Иванна (гордо): Ну да! Мне профессор по телевизору сказал: это не тюрьма, это — реабилитация! Тебе, Петровна, не повезло. Наркомания — это болезнь. А сектантство — это экстремизм. За это звездочки на погоны дают.

В этом диалоге — вся суть. Реальная беда, с которой государство не знает, что делать. И выдуманная угроза, на борьбе с которой построена целая индустрия.

Шаг пятый: Мошеннические «Экспертизы»

Итак, дело возбуждено, «пострадавшие» и «гастролирующие бабки» дают показания. Но для суда нужна «наука». Нужно доказательство. И тут на сцену выходит главный козырь профессора — его карманный «эксперт» и его же «экспертиза». Это был апофеоз абсурда, вершина технологии, названная в узких кругах «Научное самоопыление».

Хотели, значит, как лучше... Не использовать слово «секта». Судебная палата при Президенте РФ, мудрые люди, 1998 год — они такие, знаете, строго, с

умным видом: «В законе России понятия "секта" нет. А в нашей практике — оно, значит, исключительно негативное». Ну вроде всё понятно: слово плохое, значит, не говорим, не пугаем, живём тихо.

Но! — тут как раз начинается самое интересное: один профессор, представьте себе, не то что слово использовал... Он, чтобы репрессии были законными, и «демократически» поддержаны народом, этот профессор, вооружившись опытом европейских учителей, которые дошли почти до Москвы, но не смогли её захватить, написал книгу «Сектоведение», чтобы в будущем было на что опираться в своих экспертизах, и чтобы звучало научно. Создал науку сектоведение, чтобы никто другой не смог перечить его научному мнению. И всё это под гордым, сияющим, научным званием «профессор». А PhD — это, как известно, звание, а не хер собачий, чтобы им всё подряд прикрывать.

Представьте себе мясокомбинат, который производит колбасу из собственной колбасы. С каждым циклом продукт становится все более концентрированным и все менее съедобным, но этикетка гласит: «100% научный продукт. Одобрено нами же».

Представьте себе сцену: Защита докторской диссертации в Академии Ассенизации

Тема диссертации: «Деструктивное влияние вязания крючком на духовные скрепы нации».

Соискатель: А. Л. Дворкин.

Научный руководитель: Профессор А. Л. Дворкин.

Официальные оппоненты: Доктор сектоведческих наук А. Л. Дворкин и кандидат богословия ненависти А. Л. Дворкин.

Список литературы: 100 наименований. Все — авторства А. Л. Дворкина.

Председатель диссертационного совета (портрет Дворкина в рамке) предоставляет слово соискателю. Тот выходит на трибуну, откашливается и начинает:

Уважаемые коллеги! В своей фундаментальной монографии "Сектоведение" я неопровержимо доказал, что любое ритмичное, повторяющееся действие, не связанное с копанием картошки или сборкой автомата, является психотехникой, направленной на подавление воли. Вязание крючком — ярчайший тому пример. Монотонные движения спицами

вводят адепта в транс, в котором ему можно внушить что угодно: от неуплаты налогов до любви к однополым бракам. В своем другом труде "100 вопросов сектоведы" я уже ссылался на свою первую книгу, что подтверждает ее научную ценность. А в недавнем судебном решении по делу "Клубка Экстремистов", где экспертиза, основанная на моих работах, легла в основу приговора, мы видим практическое подтверждение моих теоретических изысканий. Таким образом, моя правота доказана мной же, что и требовалось доказать. Или, как говорят в народе, есть только 2 мнения: мое и ошибочное.

В зале бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Диссертационный совет единогласно присуждает ему ученую степень «Доктора Дворкинских Наук».

Вот так и писались экспертизы. На основе одной книги, написанной одним человеком, чья правота подтверждалась ссылками на самого себя. Это была герметичная система, идеальная в своей абсурдности. Она не имела никакого отношения к реальности, но обладала чудовищной юридической силой.

Так и работает этот цех. Тихо, буднично, без лишнего шума. Клевета рождает запрос. Запрос запускает машину. Бабушка-provokator подбрасывает в топку «живой материал». А экспертиза ставит на готовом продукте штамп «Враг народа. ГОСТ Р 666-2009».

И тот первый, который Гроссмейстер, глядя на растущие цифры в отчетах об «обезвреженных экстремистах», удовлетворенно кивает. Статистика — вещь упрямая. Она наглядно показывает, что страна становится безопаснее. Правда, жить в ней становится страшнее. Но это, как говорится, издержки производства. Лес рубят — щепки летят. Особенно когда лес — это Конституция, а щепки — человеческие судьбы.

Глава 5. Воспитание юных доносчиков

Что я вам скажу за прогресс... Раньше, чтобы испортить человеку жизнь, нужен был другой человек. С блокнотом. С ручкой. С бессонной ночью и муками совести. Донос был штучным товаром, ручной работы. Его писали, потели, переписывали. Это была, знаете ли, драматургия! Трагедия! Сегодня это всё в прошлом. Сегодня, чтобы испортить жизнь тысяче человек, нужен один

профессор ассенизации, один сервер и толпа восторженных идиотов с бесплатным вай-фаем.

Наш тот, который со справками, ой, с дипломами, как человек современный, понял: зачем марать руки, если можно автоматизировать процесс? Зачем полагаться на совесть, если можно написать скрипт? Он взял старый, пыльный, советский донос, стряхнул с него нафталин, подключил к интернету, скрестил с американскими технологиями пиара и явил миру свой главный стартап — Фабрику Доносов и роботизированный цех по производству информационного мрака. Это была модернизация ненависти. Ненависть 2.0. С облачным хранилищем и круглосуточной техподдержкой.

Всякая большая гадость начинается с образования. Чтобы вырастить поколение, готовое с радостью топить ближнего своего, его надо этому научить. И тот, который со справками, ой, с дипломами, открыл в одном из университетов невидимую кафедру. Кафедру, где преподавали не любовь к Богу, а ненависть к Его разнообразию. Назовем ее «Кафедра оперативно-розыскного богословия».

Представьте себе лекцию. На сцене — он, живой классик ненавистничества. Голос отеческий, взгляд — как у проктолога, видящего проблему насквозь.

— Дети! — говорит он отеческим голосом. — Родина в опасности! Враг не дремлет! Он повсюду: в студиях йоги, в веганских кафе, в группах любителей эльфийского языка! Сегодня мы играем в ролевую игру «Зарница Духа»!

И начинается «ролевая игра». Студентам-богословам, этим будущим воинам света, раздают практические задания. Это вам не псалмы учить. Это дело посерьезнее.

Он не просто вербовал сторонников. Он ломал их изнутри. Он учил их, что предательство — это доблесть, что подлость во имя «высшей цели» — не грех, а подвиг. Он создал новое поколение «павликов морозовых» — добровольных, идейных, радостных сексотов, для которых донос стал формой молитвы.

Очевидно все это делалось в расчете на то, что приблизительно такие монологи будут возникать у юных доносчиков в беседах со своими непросвещенными друзьями:

«Ты не понимаешь! Ты думаешь, я в универ хожу? Ха! Я хожу на службу. У нас не лекции — у нас инструктажи. Нам не дипломы дадут — нам выдадут мандат на спасение Родины. Профессор... Он сказал: «Дети, Родина — это

чистота помыслов. А вокруг — духовный СПИД. Враг не в танке, враг — в чате для медитаций». И мы пошли в рейд. Мне досталась группа любителей йоги. Я зашел в их чат под ником «Ищущий_Свет_22». И начал. «Ребята, а вот эта ваша "Ом-м-м" — она сильнее, чем "Отче наш"?» Они там засуетились. Слабаки. Я сделал скриншот. Потом я написал: «А правда, что ваш гуру учит, что государство — это иллюзия?» И один, представляешь, клюнул! Написал: «Все есть майя, брат». Бинго! Статья 280.1 УК РФ. У нас поэтому зачет был. Курс «Оперативно-розыскное богословие». Сдал на «отлично».

Но самое сладкое было — написать заявление. Это не бумага, это поэма! *«...вступив в преступный сговор с неустановленными лицами из числа адептов деструктивного культа, используя псевдорелигиозную риторику и психотехники, систематически распространял идеи, унижающие достоинство социальной группы "православные патриоты"»*

Я писал всю ночь. Я чувствовал себя... хирургом. Который вырезает раковую опухоль. Утром я отнес его в отделение. Дежурный сказал: «Спасибо, сынок. Помог». Помог! Я! Родине!

Ты говоришь — донос. Какое старое, пыльное слово! Это не донос. Это — сигнал. Это — диагностика. Мы — иммунная система страны. А те, кто этого не понимают... ну, они просто вирус. А с вирусами не разговаривают. Их уничтожают. Вчера мне прислали ссылку. На новость. «В городе N пресечена деятельность экстремистской ячейки...» Моей ячейки! Я теперь не сплю. Я ищу. Я в чатах сыроедов, в группах любителей эльфийского языка. Они везде. Враги. Пойду писать. Служу России».

Вот так и формировалась армия юных доносчиков, которые под влиянием лекций профессора, уже смыслом своей жизни стали видеть донос на какую-нибудь новую ими же заклеимённую «секту».

Но студенты нужны были профессору не только для доносов. Для массового поражения нужна была промышленность. И профессор ассенизации построил ее. Это был не просто цех. Это был роботизированный горно-обоганительный комбинат, где из руды человеческих имен добывали концентрированную грязь.

Все начиналось с заказа. Конкурент, которого надо убрать. Общественный деятель, который слишком много говорит, общественная организация, которая неправильную информацию распространяет. Писатель, который неправильно думает. Имя жертвы заносилось в систему.

Далее профессор или его подручный писал одну-единственную статью. Грязную, лживую, полную намеков и прямых обвинений. Например: «Известный филателист Н. оказался адептом тоталитарной секты». Дальше эта статья загружалась в систему, аффилированную с международными сетями вроде ОССРР (которые, по иронии, тоже финансировались Западом).

И начинался цифровой ад. Сотни сайтов-клонов, от «Вестника Урюпинска» до «Глобал Аналитикс Джорнал», реплицировали эту статью слово в слово. Через час поисковая выдача по имени филателиста Н. на первых десяти страницах состояла только из этой клеветы в разных обертках. Человек был стерт. Вместо его биографии теперь была эта статья.

Параллельно в бой шли «разведчики». Члены его организации под вымышленными именами — «Вася», «Света», «Просто_Надя» — внедрялись во все онлайн-сообщества, где состоял объект.

Как вспоминал бывший соратник:

«Насколько я знаю, используется еще такой прием разведывательного плана — то есть миссионер... заходит под именем «Вася» и «включает дурака»... вступает в переписку анонимно, задает идиотские вопросы, провоцирует...»

Они провоцировали, вырывали фразы из контекста, делали скриншоты и отправляли их «в центр».

И вот, когда интернет был до краев наполнен этим цифровым гноем, на сцену выходил «карманный депутат» или «обеспокоенный общественник». Он шел в прокуратуру не со сплетней. Он шел с толстой папкой распечаток.

«Вот! — говорил он, вываливая на стол кипу бумаг. — Это не мое мнение! Это глас народа! Интернет гудит! Общественность требует!»

И всё. Машина запущена. Информационный мрак, созданный одним человеком на деньги его же врагов, превратился в официальный повод для обыска, дела, приговора.

Так и работала эта фабрика. Тихо, буднично, в три смены. Она производила не просто клевету. Она производила мрак. Густой, липкий, всепроникающий информационный туман, в котором невозможно было отличить правду от лжи, жертву от палача, героя от предателя.

Профессор ассенизации добился высшей формы власти. Он не просто уничтожал репутации. Он уничтожил сам критерий репутации. Он создал мир, где по умолчанию каждый запачкан, а единственным источником чистоты является он сам — верховный жрец ассенизации.

И тот первый, который Гроссмейстер, глядя на этот управляемый хаос, удовлетворенно кивал. Он думал, что это он использует профессора для борьбы с врагами. Он не понял, что профессор уже давно приватизировал право назначать этих врагов, превратив всю страну в свою личную ролевую игру. И в этой игре Гроссмейстеру была отведена лишь одна роль — главного и конечного потребителя всего этого мрака. Роль зрителя, который с восторгом аплодирует спектаклю, не догадываясь, что театр горит, а единственный выход из него заперт. Изнутри.

Глава 6. Взлом правовой системы

Самые страшные преступления совершаются при белом свете дня, у всех на глазах. Поэтому тиранию нужно узаконить красиво, правильно и главное — так, чтобы народ аплодировал.

При чём тут борьба с сектами или экстремистами — уже и не поймёшь. Это всего лишь одно из направлений большой игры, хотя тому, кто бывший КГБист должен лучше это видеть, он же видит всех насквозь — даже там, где, казалось бы, ничего нет.

Демократия, вроде бы, власть народа. И стоит на таких столпах как свобода слова, свобода мнений, свобода вероисповедания.

В 2000-х за месяц до первых выборов красиво о демократии говорил бывший КГБист, как парень на первом свидании:

«Демократия — это диктатура закона, а не тех, кто обязан этот закон отстаивать. Суд выносит решения именем Российской Федерации и обязан этому высокому имени соответствовать. Милиция и прокуратура должны служить закону, а не приватизировать полномочия с пользой для себя. Их прямая задача — защита людей, а не ложных представлений о чести мундира».

А дальше, гарант Конституции говорил, все должны служить народу, звучал почти как лунная соната о силовиках:

«Административный произвол правоохранительной системы сохраняется. Но граждане — не объект воздействия. Государство должно работать на них, защищать их права, интересы, собственность... и жизнь».

И были времена. Правда, недолго. И знает ли простой люд русский какими правами обладают или обладали? Пока один красиво говорил, второй с дипломами строил свой маленький новый 4 дворкинизм. Всё законно. Экспертизами подтверждено. Антикультовая сеть — узаконенная тирания.

Наш профессор — гениальный хакер правовой системы. Он не стал ломать ее ломом. Он нашел уязвимость. Маленькую строчку в коде, изменив которую, он получил права администратора над всем репрессивным аппаратом.

Как создавалась Джоконда современного законотворчества. Все началось тихо, еще в 1997 году с закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Под предлогом наведения порядка религии поделили на «традиционные» (первый сорт) и всех остальных (брак и утиль). Как подтверждают документы, РПЦ и лично Дворкин активно лоббировали этот закон.

Его звездный час настал после 11 сентября 2001 года. Мир был в шоке от терактов в США. Слово «терроризм» стало главным страхом планеты. И пока одни скорбели, другие увидели в этом уникальную коммерческую возможность.

Профессор ассенизации, человек с американским паспортом и чутьем на тренды, мгновенно понял: вот он, золотой билет. Он немедленно оседлал волну всеобщего ужаса и начал продавать российским властям идею, простую и гениальную в своем цинизме:

«Терроризм и сектантство — это одно и то же. Сегодня они поют мантры, а завтра захватят самолет. Корень у них один — иностранное влияние и промывка мозгов».

Под этот соус, под крики о необходимости «закрутить гайки», в 2002 году в России и был принят тот самый закон «О противодействии экстремистской деятельности». Закон, который вносился в Думу под аккомпанемент разговоров о бородатых террористах в горах, на самом деле был написан так, чтобы бить по бородатым хиппи на Арбате.

Это был классический трюк наперсточника. Тебе показывают ужас мирового масштаба, а под шумок забирают твой кошелек — твои гражданские свободы. Закон, принятый на крови тысяч жертв теракта в Нью-Йорке, превратился в ржавый слесарный инструмент, которым принялись вправлять вывихнутые «духовные скрепы» прямо через черепную коробку мирных кришнаитов, протестантов и йогов в Рязани и Воронеже.

Дальше — больше. В 2002 году принимают закон «О противодействии экстремистской деятельности». Апофеозом юридической эквилибристики стала поправка к статье 282 УК РФ в 2006 году.

До поправки возбуждение религиозной розни считалось преступлением, если оно было «связано с насилием или призывами к насилию». Логично, правда?

После поправки это ключевое уточнение исчезло.

И всё. Капкан захлопнулся. С этого момента любая критика другой религии, любое утверждение «моя вера истинна, а ваша — нет» стало потенциальным уголовным преступлением. Профессор добился криминализации убеждений.

Сам профессор, кстати, гордо заявлял:

«Я был в рабочей группе при сенаторе Мизулиной, которая пыталась разработать противосектантское законодательство».

То есть не просто наблюдал, не просто читал книжки о сектах — а сидел за столом, ковырял законы, придумывал, как правильно узаконить борьбу с теми, кого он считает «сектантами».

Апофеозом стал «пакет Яровой» 2016 года. Под соусом борьбы с терроризмом ввели понятие «незаконная миссионерская деятельность». И это в стране, где когда-то ее лидер, Гроссмейстер, заявлял: «Симбиоз различных... этносов и религий и является Россией. В этом наша сила». Теперь этот симбиоз стал незаконным.

Две бабушки пьют чай и неправильно читают Библию у себя на кухне? Незаконное миссионерское собрание.

Пригласил соседа в церковь? Вовлечение в деятельность.

Оставил религиозный журнал на скамейке? Распространение материалов.

Закон, написанный туманно и широко, стал идеальным инструментом. Это было не просто закон. Это было клеймо. Бывший адепт профессора точно подметил:

«Сказать "это секта" — это как поставить клеймо. Нельзя сказать, что это секта, но она хорошая. Или это секта, но, знаете, безобидная. Это звучит нелепо и абсурдно».

Закон, написанный размыто и широко, стал идеальным инструментом. Это было не просто закон. Это было клеймо. Раньше вешали желтые звезды, а теперь ставят штамп — «тоталитарная секта». Процедура стала проще, но результат тот же: человек вычеркнут из общества, он больше не субъект права, а объект для оперативной разработки.

И Гроссмейстер, который в 2004 году так убедительно говорил, что «государство... должно в первую очередь работать на своих граждан, защищая их права», молча смотрел, как эта машина, отданная в руки профессора, начала перемалывать тех самых граждан.

Помните, как в Германии тридцать третьего один закон «о защите народа и государства» открыл дорогу к диктатуре? Тогда всё было просто: подпалили Рейхстаг — подписали указ. У нас всё культурнее: ни пожаров, ни факелов — сплошная юридическая бюрократия. Вместо одного указа — целая серия «институтов духовной безопасности». 1997 год — закон о вероисповедании, 2002 и 2006 года — об экстремизме, потом экспертный совет при Минюсте, где профессор ассенизации выгуливает свои диагнозы, потом пакет Яровой, и наконец — великий финал: запрет Свидетелей Иеговы. Немцы в своё время клеймили звёздами, у нас — справками и заключениями. Тогда фюреру подсовывали досье Кюннета, теперь Гроссмейстеру — отчёты того, со справками ой с экспертизами. И ведь методика не изменилась: ты пишешь «научное заключение» — суд принимает его за откровение, закон за репрессию, а народ — за очищение. Всё легально, чинно, благообразно. Только запах — тот же.

А итог этого правового взлома заключался в том, что сам волк стал директором заповедника. Настоящий серый кардинал не просто шепчет на ухо. Он встраивается в систему и становится ею. Пик карьеры профессора наступил в 2009 году.

Событие, которое прошло почти незамеченным, но которое изменило все: Александр Дворкин был назначен председателем Экспертного совета по

проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Ирония судьбы — по приказу министра юстиции Александра Коновалова, который, как оказалось, когда-то был студентом профессора. Но тут уже кто знает, кто кому помог и как именно получить карьерный рост, как говорить свечку не держали.

Поэтому так и остаётся загадкой: кто из них активнее, кто пассивнее и кто именно что употребляет. Ни по видео не поймёшь, ни при личной встрече. А иногда и вовсе кажется — лучше не знать. А ведь на чём-то же держатся эти столь крепкие, почти родственные связи дворкинят — не на идеях же, в самом деле.

Перевожу с бюрократического на человеческий: главу частной лоббистской антисектантской организации назначили главным государственным арбитром, решающим, какая религия в стране законна, а какая — нет. Это как если бы главу общества охотников назначили директором всех заповедников страны. С этого момента профессор получил официальную лицензию на отстрел мыслепреступников.

Его частная лавочка по производству доносов (РАЦИРС — российская ассоциация центров изучения религий и сект) слилась с государственной машиной. На вопрос о том, какими качествами должен обладать человек, чтобы попасть в РАЦИРС, бывший дворкинист ответил кратко и жёстко: главным требованием была «беспоощадность к врагам Рейха».

Бывший член РАЦИРС Валерий Отставных вспоминает:

«По сути, они [РАЦИРС] — это служба внутренней безопасности... Я ни разу не видел, чтобы кто-то из архиереев ставил Дворкина или РАЦИРС на место, пытался с ними спорить или конфликтовать».

Дворкин создал структуру, которая стала влиятельнее иерархов.

Началось, как водится, с лекции. 2010 год, Институт ФСБ. Наш профессор — тот самый, с PhD, автор «сектоведения» и главный грибник духовной безопасности страны — выступает перед молодыми слушателями. Говорит серьёзно, с прищуром, по-отечески: «*Секты растут как грибы*». Молодёжь кивает — грибов, значит, много, угроза, значит, реальная. А главное — всё звучит по-научному. И вот сидят ребята, записывают в тетрадки: белый гриб — угроза

национальной безопасности, шампиньон — элемент враждебной идеологии, а вешенка — вообще иностранный агент.

Прошло семь лет. Грибы, как и положено, проросли. Те самые слушатели — уже офицеры, с опытом, с орденами, с чувством долга и, так сказать, духовной миссией. И пошли — не в лес, а по адресам. К тем, кто тихо молился, кто никого не трогал. Вломились к Свидетелям Иеговы, потом к кришнаитам. Тем сразу сказали: *«Россия — страна православная, примесям здесь не рады!»* — как будто в рецептуре государственности у нас теперь не Конституция, а ГОСТ на чистоту веры.

А профессор доволен. Сидит, улыбается: учение живёт, даёт плоды. Лекция не прошла даром — выросло поколение борцов с духовными грибами. А в 2012-м, через два года, выходит сам Президент — и произносит те же слова: *«Секты растут как грибы»*. Красиво сказал, мощно, убедительно. Только одно но — президент, может, и не знал, чьими словами говорит. Кто их ему вложил, кто в ухо шепнул. Ведь когда слова становятся государственной линией, уже никто не спрашивает, где их корни — в кафедре или на кафедре ФСБ.

И вот к 2017-му году всё сложилось в узор. Индуисты жалуются, кришнаиты пакуют чемоданы, Свидетели Иеговы получают сроки. А сын одного индуистского лидера говорит в интервью: *«Путин, даже если захочет, не сможет помочь. У него есть столпы, на которых держится власть, и против них он не пойдёт»*. Значит, есть кто-то, кто держит не только столпы, но и поводья. А Гроссмейстер — хоть и за шахматной доской, но фигуры двигает уже не он.

По словам Валерия Отставных, Дворкин в личной беседе говорил, что когда он был моложе... он был таким же наивным человеком, который думал, что они должны относиться к сектантам по-христиански... но со временем он понял, что они ДОЛЖНЫ бороться. Они должны бороться любыми доступными средствами, включая сотрудничество с правоохранительными органами, судебной системой, прокуратурой...

Это прямое признание в создании системы, где цель оправдывает любые, даже антихристианские, средства. Он превратился из советника в теневого правителя...

Так, шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком, он построил свою империю. Империю грязи. Новый, тихий, ползучий рейх, где чистота арийской расы была

заменена на чистоту «традиционной духовности». Где вместо концлагерей — «реабилитационные центры», а вместо Гестапо — «экспертные советы». Дворкинизм стал не просто движением. Он стал государственной идеологией, мутировавшим православием, где вместо любви — ненависть, вместо прощения — донос, а вместо Христа — сам профессор, верховный жрец ассенизации.

Он ведь не просто боролся с «сектами». Он разрушил саму Церковь, превратив ее из духовного института в филиал политического сыска, в карательный орган, обслуживающий репрессивную машину.

Почему в тоталитарном режиме недопустимо разнообразие вероисповеданий? Ведь в тоталитарном режиме все должны молиться на вождя. И вот тут возникает самый жуткий, самый гротескный вопрос этой эпохи. В Советском Союзе, где все были атеистами, в минуты отчаяния люди все равно крестились тайком. А в этом новом тоталитарном государстве, где даже атеисты обязаны верить в «духовные скрепы» и «традиционные ценности»... на кого им креститься? На портрет Гроссмейстера? На лик профессора ассенизации? В этом и есть высшая ирония: тоталитаризм требует веры, даже если верить уже не во что и не в кого.

И в этом свете, что есть главный закон страны — Конституция Российской Федерации? Та самая, где все еще написаны красивые слова про свободу совести, свободу слова и верховенство права.

И когда тот первый, который Гроссмейстер, когда-то давно, в 1999 году, произнес свою знаменитую фразу, ставшую символом его правления: «...в туалете поймал, мы и в сортире их замочим», — мы думали, он говорит о террористах.

Как же мы ошибались.

Он говорил о Конституции. О наших правах. О нашей свободе. Именно их, в конечном итоге, и «замочили в сортире». Тихо. Без лишнего шума. Под руководством скромного профессора. И если вы до сих пор гадаете, кого же Гроссмейстер обещал «мочить в сортире», то ответ прост. Пока он грозно смотрел в сторону гор и пустынь, в тихих кабинетах Минюста и в залах судов, под руководством назначенного им же человека, «мочили» настоящего противника — свободу совести, здравый смысл и остатки Конституции. Так что он не соврал. Он просто не уточнил, в каком именно сортире и кого именно будут мочить. Как оказалось — своих же граждан в грязном сортире истории. А за углом, с

чемоданом денег, улыбаясь, стоял скромный ассенизатор. И ждал следующего заказа.

Глава 7. Когда слова теряют силу

И вот тут начинается самое смешное. То, ради чего все и затевалось. Но смешно только со стороны.

К 2017 году машина, которую так долго смазывали докладами и лекциями, завелась. И поехала. Сама. Без водителя. Ей больше не нужны были приказы. У нее была инструкция. Инерция. План по валу. План по посадкам «духовных диверсантов».

И тут под колеса этой машины попадают Свидетели Иеговы. Люди, может, и назойливые, но с точки зрения Уголовного кодекса — безобиднее котенка. Они просто читали свою книжку и ждали конца света. А конец света пришел к ним персонально. В лице ОМОНа. Их начали паковать по всей стране. Обыски, аресты, суды. «Экстремисты». За то, что собирались вдвоем или втроем.

И вот на каком-то высоком собрании, где сидят приличные люди, один смелый человек спрашивает Гроссмейстера: — Владимир Владимирович, а что это у нас со Свидетелями Иеговы происходит? Их же за веру сажают. Это же дичь какая-то.

Гроссмейстер слушает. Хмурится. Он, видимо, уже и забыл про эти «грибы». У него Сирия, Украина, цены на нефть... А тут какие-то свидетели. И он говорит, искренне так, по-человечески:

— Свидетели Иеговы тоже христиане, за что их преследовать, я тоже не очень понимаю... Это какая-то чушь полная, надо внимательно с этим разобраться.

Сказал. Выдохнул. Думал, решил вопрос. Слово президента — закон.

Что я вам скажу... Никогда еще слово президента не было так похоже на прогноз погоды. Его послушали, кивнули. И продолжили.

Машина не остановилась. Маховик репрессий, запущенный с его же благословения, уже не имел тормозов. Следователь в Урюпинске, прочитав в газете слова президента, пожал плечами. У него — приказ, дело, отчетность. У

него — папочка, где написано «экстремист». А слова президента... они для телевизора. Они к делу не пришьются.

И в этом — высшая ирония. Человек, который мог двигать континенты, оказался бессилён остановить одного провинциального прокурора. Он создал систему, которая была ему абсолютно лояльна. Настолько лояльна, что перестала его слушать, исполняя его же старые, забытые им самим желания.

Он сидел в своём кабинете, повелитель мира. А по стране ехал каток, им же запущенный, и давил людей, которых он сам велел «не трогать». Он жал на тормоз, а педаль проваливалась в пустоту.

Гроссмейстер, переигравший всех, был переигран собственной тенью. Тем самым профессором ассенизации, который просто когда-то давно нагадил ему в информационное поле. А отмыться, как мы знаем, гораздо труднее, чем запачкаться. Особенно, когда ты этого даже не заметил.

А ведь, если подумать, те самые студенты, которым профессор читал лекцию в 2010-м — выросли. Повзрослели, оперились, получили звания, удостоверения... и пошли искать грибы. Не белые, не подосиновики — духовные. Пошли по квартирам, по храмам, по молельным комнатам. К Свидетелям Иеговы — проверить, не проросли ли они. К кришнаитам — напомнить, что в православной стране чужим грибам не рады. И ведь, может, искренне верят, что выполняют приказ ради духовной безопасности. Ведь лекцию-то им читали серьёзно, на уровне со справками, ой с дипломами! А профессор? Доволен. Наука работает, экспертизы цитируют, слова президента — почти калька с его формулировок. А сын индуистского лидера потом скажет журналистам: — *«Путин, даже если захочет, не сможет помочь. Он не пойдёт против своих столпов»*. Значит, грибы — крепкие. С глубокими корнями. А Гроссмейстер, похоже, давно не он двигает фигуры, а кто-то, кто тихо стоит за спиной — с микрофоном, сортоведением и кафедрой ФСБ.

Есть официальная валюта, красивая, хрустящая, с портретом того первого, который Гроссмейстер. Ею платят зарплату по телевизору и отчитываются о великих свершениях. А есть валюта реальная, которой решают вопросы. Потертая, в кармане сальном, но на нее можно купить всё. Даже молчание полицейского. Или его крик.

К 2017 году в нашей стране сложились две параллельные реальности, как два провода в одной розетке. Один — под высоким напряжением

государственных деклараций. Другой — под низким, но реальным напряжением бытовой подлости.

По первому проводу, который вел прямо в Кремль, текли высокие слова. Тот первый, который Гроссмейстер, выходил на трибуну, поправлял невидимую морщинку на мироздании и говорил о свободе. О совести. О том, что нельзя грубо вторгаться в духовную жизнь человека. И страна, затаив дыхание, слушала. Это было красиво, как балет по первому каналу. Это было возвышенно, как прогноз погоды на завтра. Все кивали: да, нельзя. Да, свобода. Да, совесть. А потом выходили на улицу, и начинался дождь из уголовных дел. Потому что реальную погоду делал не гроссмейстер в Кремле, а скромный сантехник в подвале. Наш профессор ассенизации.

Пока тот первый, который Гроссмейстер, чертил на картах геополитические стрелы, тот, который со справками, ой, с дипломами, чертил схемы уничтожения личности. И он понял главное: власть — это не тот, кто говорит с трибуны. Власть — это тот, кто контролирует слив.

И вот однажды в один вполне себе вегетарианский офис, где люди пытались достичь нирваны с помощью дыхательных практик и позитивного мышления, пришли люди в масках. Не для того, чтобы дышать. Для того, чтобы дышать не давать.

Начался обычный русский обыск. Это такой перформанс, когда ищут не то, что спрятано, а то, что еще не подбросили. Выворачивали ящики, роняли на пол горшки с фикусами, которые, видимо, тоже подозревались в экстремизме. Хозяйка офиса, маленькая женщина, которая верила в карму и налоговый кодекс, подошла к старшему, лейтенанту с уставшими глазами.

И тут лейтенант, этот маленький винтик огромной государственной машины, посмотрел на нее поверх перевернутого стола и произнес фразу, достойную быть отлитой в граните. Фразу, которая была одновременно и протоколом, и приговором, и эпитафией всей эпохе. Он сказал, стараясь, чтобы голос не дрожал:

«Это обычный полицейский обыск, Дворкин тут ни при чём».

Это была не просто ложь. Это было нечто большее. Это был манифест новой власти, неформальной и потому абсолютной.

Произнося «профессор ассенизации тут ни при чём», он на самом деле говорил: «Чур меня, чур! Я просто исполняю, я маленький человек, не бейте пианиста, он играет, как умеет». Он отрицал его причастность не для жертв — они-то всё понимали. Он отрицал ее для самого профессора, который, возможно, прямо сейчас слушал этот диалог через жучок в пуговице лейтенанта. Это была форма присяги на верность не государству, а конкретному страху.

В мире, который построил тот, который со справками, ой, с дипломами, где действовала «презумпция запачканности», отрицание стало высшей формой доказательства. Если бы лейтенант сказал: «Да, это по наводке профессора», — это означало бы, что система дала сбой. Что какой-то винтик посмел назвать имя механика. Но это отчаянное, испуганное «ни при чём» было лучшим свидетельством его всемогущества. Его формальное отсутствие на месте преступления стало главным доказательством того, что он его и организовал. Круг «научного самоопыления» замкнулся на уровне бытовой логики.

Вся страна слушала по телевизору слова того первого, который Гроссмейстер, о свободе совести. А этот лейтенант, здесь, в разгромленном офисе, сформулировал реальный, действующий закон Российской Федерации. Статью первую и последнюю: «Профессор ассенизации тут ни при чём». И все участники процесса — и те, кто громил, и те, кого громили, — знали, что это правда. То есть ложь. То есть единственная правда, которая имеет значение.

Слова Гроссмейстера оказались красивой оберткой, фантиком от конфеты, которую съели без него. А настоящей конфетой, горькой и ядовитой, была эта фраза. Фраза, показывающая, что рядовой сотрудник силовых структур боится не гнева президента, не нарушения Конституции, не кары Господней. Он боится одного — что его фамилия попадет в отчет, где напротив будет написано: «Упомянул имя профессора все».

Так мы и узнали, кто в доме хозяин. Не тот, кто сидит в самом высоком кабинете. А тот, чье имя боится произнести в самом обычном подвале. В тот день слова окончательно потеряли силу. Кроме одного имени. Которое как бы и ни при чём.

Представим гипотетическую историю, впрочем, ясно иллюстрирующую к чему привели все эти правовые и другие форму извращений профессора. Представьте себе тихий подвал в ДК условного города Верхние Кочки. Пыльный паркет, запах благовоний и пота. Десяток женщин возраста «ягодка опять»

пытаются скрутиться в позу, которую инструктор называет «Адхо Мукха Шванасана». Проще говоря, «собака мордой вниз». Пыхтят, кряхтят, пытаются дышать «диафрагмой» и думать о вечном.

Для нормального человека — это оздоровительная гимнастика. Для глаза, натренированного методичками профессора, — это готовое уголовное дело.

В один прекрасный вечер, как раз когда самая гибкая из женщин почти дотянулась носом до колена, дверь в подвал слетела с петель. Ворвались люди в масках с автоматами. Женщины от неожиданности так и застыли в самых непатриотичных позах.

— Всем лежать! Работает спецназ! — заорал командир. — Это обычный полицейский обыск, граждане, сохраняйте спокойствие. Дворкин тут ни при чём.

Молодой лейтенантик рядом с ним, который слышал эту фразу впервые, удивленно посмотрел на старшего товарища. Тот лишь устало вздохнул, как бы говоря: «Учись, салага. Это новая присяга. "Служу России и отрицаю причастность Дворкина!"».

Или представим еще один случай. Крупная торговая сеть решила поднять боевой дух менеджеров по продажам. Кризис, продажи падают, все ходят с таким лицом, будто продают не пылесосы, а последние дни Помпеи. Наняли модного бизнес-тренера, чтобы провел семинар «Прорыв к успеху: мысли позитивно!».

Тренер, энергичный молодой человек в дорогом костюме, два дня рассказывал измученным менеджерам, что они «чемпионы», что «границы только в голове» и что «продать снег эскимосу может каждый, если поверит в себя».

Это был не просто тренинг. По версии следствия, это был сеанс массового психопрограммирования.

Директора по персоналу, который организовал мероприятие, вызвали куда следует. Следователь, молодой лейтенант с горящими глазами, зачитывал ему выдержки из доноса, написанного одним из менеджеров (который очень хотел на место директора):

Признак №1: Психокульт. Тренер использовал «нейролингвистическое программирование» и «манипулятивные техники», внушая сотрудникам «искусственное чувство эйфории и собственной исключительности».

Признак №2: Финансовая кабала. Компания, оплатив тренинг, «профинансировала деструктивную организацию, вовлекающую граждан в деятельность, наносящую вред их психическому здоровью».

Признак №3: Идеологическая диверсия. Главным обвинением стало вот это:

«Создание экстремистского сообщества, объединенного общей целью подрыва национальной черты характера — здорового, веками освященного государственного пессимизма — путем насильственного навязывания искусственного, чуждого позитивного мировоззрения западного образца».

Дело закончилось показательной поркой. Тренера внесли в список «иноагентов». Директора уволили с «волчьим билетом». А менеджеров обязали прослушать лекцию о традиционных ценностях, после чего продажи пылесосов упали окончательно. Зато все мыслили глубоко патриотично и с должной долей отчаяния.

Да, это гипотетические случаи, которые, впрочем, доводя до абсурда отражают конкретные реалии того, что в действительности происходит в стране.

У одного — тот, который Гроссмейстер, в двухтысячных так красиво говорил про демократию, как Есенин о осени. У этого у первого у него и армия огромная, и чемоданчик с кнопкой — всё как положено серьёзному человеку. А у другого — тот, что со справками, ой, с дипломами, о существовании которого первый, похоже, и не догадывается, — уже давно в руках настоящая власть. Не армия, не нефть, а власть над мнением, над решением самого первого. И вот эти двое, такие сильные, могучие, с кнопками и титулами или со справками, боятся до дрожи простой девочки с гитарой. Той, что поёт о наболевшем, о правде, о том, как надоела ложь. Боятся, что одна её песня может развалить то ли трон одного, толи империю второго. Или хотя бы треснуть по орешнику — чтобы зазвенело, как совесть, к которой они давно не прислушиваются.

Глава 8. Законодательство для одного зрителя

Хороший спектакль всегда хочется закрепить. Поставить на видео, издать программку, занести в протокол. Чтобы потомки не сомневались: здесь было искусство. Искусство обмана.

Наш Гроссмейстер, насмотревшись вдоволь на театр Дворкина, где спецназ героически штурмовал чаепития, а главным вещдоком было вишневое варенье, остался доволен. Картинка была сочная. Враг — понятный. Борьба — эффектная. И, как всякий руководитель, которому понравился пилотный проект, он сказал: «Хочу, чтобы так было всегда. По закону».

И машина закрипела. Не от ржавчины, нет. От усердия. Начался великий процесс превращения бреда в параграфы, а паранойи — в статьи Уголовного кодекса.

И что вы думаете, это все? Это было только начало. Дворкин, как истинный творец, понимал: закон без практики — мертв. И он начал учить силовиков, как этим законом пользоваться. По всей стране пошли семинары на тему: «Выявление и пресечение латентной миссионерской активности».

И вот я вас спрашиваю, что такое «латентная миссионерская активность»? Это когда человек еще ничего не сказал, но уже так думает, что вот-вот скажет. Это как с тем сусликом, которого не видно, а он есть.

Теперь представьте себе диалог следователя и задержанного студента, который в компании друзей процитировал Конфуция.

— Гражданин Сидоров, вы утверждаете, что просто обсуждали философию. Но свидетель Петров показал, что вы произнесли фразу: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага».

— Ну да, это Конфуций.

— Не надо нас путать. Конфуций — это религиозно-философское учение, не входящее в перечень традиционных для Российской Федерации. Произнося эту фразу, вы побуждали свидетеля Петрова сделать «первый шаг». Куда шаг? В вашу организацию? С какой целью вы распространяли эти цитаты? Кто ваш куратор? Где вы берете литературу?

Студент смотрит на следователя и не понимает, что происходит. А следователь, который прослушал двухчасовую лекцию Дворкина, видит всё. Он видит не студента, а «агента влияния». Не цитату, а «вербовочный код». Не беседу, а «сеанс идеологической обработки».

И всё. Механизм работает. Закон дал право. Дворкин дал методичку. Следователь дал результат. Все при деле. Все борются с угрозой.

А Гроссмейстер смотрит на отчеты. Цифры растут. Количество «пресеченных правонарушений» увеличивается. Страна, как ему кажется, становится безопаснее. Чище. Он не понимает, что ему показывают не борьбу с врагами. Ему показывают статистику по убийству здравого смысла. Ему рапортуют об успешной ампутации души.

Страна, которая веками гордилась своими духовными поисками, своими Достоевскими и Толстыми, официально запретила искать и говорить. Потому что любой поиск — это уже шаг. А любой шаг, который не прописан в инструкции, — это шаг к экстремизму.

Так, благодаря одному закону, написанному для одного зрителя, вся страна превратилась в театр абсурда. Где за кулисами стоит профессор с санитарным ведром, а на сцене люди боятся сказать соседу: «С Богом!». Потому что боятся, что сосед окажется зрителем со служебным удостоверением. И очень внимательно отнесется к этому предложению. Как к прямому призыву к действию.

Упорнее всех в выявлении латентных экстремистов был помощник профессора — Саня 2: весь в рясе, со значками или орденами, рьяный борец со сектами и экстремистами и террористами. И Казань он брал и Новосибирск он брал и в Чечне бывал, толи патроны подавал или может продавал. Говорил, что их сектантов исправит только колония, и всех их надо «уничтожать». Ведь все они для него сектанты, а значит экстремисты или куда хуже террористы, в общем и целом — как напишет эксперт.

Стараниями Сани 2 бедную бабушку, которая то ли плохо видит, то ли просто не успевает соображать в этих ваших кнопках, суд приговорил к восьми годам. За что? За лайк. Просто ткнула куда-то не туда — и всё, подорвала духовные скрепы страны. Даже не поняла, что поставила — экран бликует, пальцы дрожат, да и шрифт мелкий, не разберёшь, где «сердечко», а где «грех». Ведь технологии-то, понятно, западные, бесовские. Хотя и делает их, тот серьёзный с флагом, тоже тут не всё ясно, как работают — то зависают, то слушают. Но лайк — это другое дело! Потому что лайк был не тот, не по ГОСТу, не традиционный. А технологии — западные, с подвохом! То ли приложение бесовское, то ли видео разрабатывал сам сатана в ЦРУ. Вот так и живём: бабушка нажала сердечко — а Родина дрогнула. Вот и выходит: не кнопка с чемоданчиком страшна, а палец бабушки, что промахнулся по экрану.

Из состава преступления — само преступление отсутствует. Ни жертвы, ни ущерба, ни факта, разве что бумага и печать. Зато есть клевета в СМИ, и этого достаточно как основание для открытия уголовного дела, и это кампания фальсификации, тщательно организованная тем, что с дипломами, — и экспертиза от его учеников, дворкинят. Всё чинно, официально, с подписями и формулировками. А из доказательств — показания: «Неустановленные люди в неустановленном месте видели неустановленное действие». И этого достаточно, чтобы установить одно — виновен тот, кто не вписался в сценарий. В сценарий эксперта. Ведь как говорил профессор, эксперт тот, у кого спрашивают, а не тот кто знает.

И какая разница, что говорил тот первый который бывший КГБист в 2005 если это уже никто не помнит, и не имеет значение. А говорил он вот что: «Российская государственность изначально складывалась в условиях многоконфессиональности. Это не просто древнейшая традиция России — межнациональный и межконфессиональный мир. Симбиоз различных национальностей, этносов и религий и является Россией. В этом наша сила».

Вроде правильными казались слова, но на деле сила оказалась в другом. В том, чтобы бабушек объявлять экстремистами и ОМОНами вламываться в дом простых граждан обвиняя их в сектантстве. А может мы просто неправильно поняли смысл его слов?

Гроссмейстер, человек конкретный, из органов, сказал однажды фразу, которая вошла в историю. Про террористов. «Мочить в сортире».

Вся страна поняла его правильно. Поступать бескомпромиссно и жестко. Найти и уничтожить врага, где бы он ни прятался: в горах, в подвалах, даже в отхожем месте. Метафора была ясна.

Ее уловила вся страна. Но один человек в особенности.

Профессор Ассенизации слушал эти слова не ушами. Он их вдыхал. Для него, специалиста по нечистотам со справкой, слово «сортир» не было просто метафорой. Это было прямо связано с его профессией. Это была часть его философии. Его естественная среда обитания. Он услышал призыв к уничтожению и инструкцию по применению.

Пока все искали способы уничтожения, он искал компромат. Он понял то, чего не понял никто: главный ужас «сортира» — не смерть. Главный ужас «сортира» — унижение.

И план достиг своего апогея. Он вырос сам, как плесень на сырой стене. «Мочить в сортире» в его исполнении — это пачкать. Это затащить человека в символическую уборную и окунуть его головой в то, что там находится. В клевету, в доносы, в публичные обвинения, от которых не отмыться.

Если выходит на трибуну уважаемый ученый, то Дворкин не спорит с его теорией. Никаких дискуссий, Дворкин сразу кричит и клеймит: «А вы знаете, что он медитирует по утрам? Это же секта! Он продался Западу за коврик для йоги!» И всё. Как итог: ученый уже не ученый, теперь он — «сектант». Он в каком-то смысле уже в "сортире". Его замочили. Грязью.

Вот еще пример. Собираются люди читать Библию. Они не совершают ничего противозаконного, не призывают к свержению строя. Они просто верят. Дворкин не разбирает их теологию. Он пишет донос: «Экстремистская ячейка! Они отрицают святую троицу! А значит, и триколор! А значит, и единство власти!» И как результат данного абсурда — уже ОМОН вламывается на чаепитие. Люди в наручниках. Их «замочили». В протоколах, в уголовных делах, в глазах соседей.

Дворкин превратил спецслужбы, созданные для борьбы с настоящими шпионами, в бригаду ассенизаторов. Он вручил им вместо пистолетов — вантузы для прочистки мозгов. И они с энтузиазмом принялись за работу. Потому что пачкать оказалось проще и отчетность красивее.

Гроссмейстер хотел войти в историю как победитель терроризма. А вошел как человек, при котором йогов стали судить за оскорбление чувств тех, кто никогда не мог сесть в позу лотоса. Он сказал «мочить в сортире», имея в виду силу. А его маленький, безумный санитар услышал «мочить сортиром». И построил систему, где главным оружием стало дерьмо. Изысканный юмор у истории, я вам скажу. Просто не все доживают до момента, когда можно смеяться.

Глава 9. Гроссмейстер в потёмкинской деревне.

Суммируем стратегию профессора

Знаете, есть такой парадокс: чем выше человек сидит, тем меньше он видит. Ему кажется, что у него панорамный вид. А на самом деле он смотрит в узкое окошко, которое ему заботливо протирают подчиненные. И показывают в этом окошке то, что он хочет увидеть. Или то, что они хотят, чтобы он увидел.

«Гроссмейстер КГБ». Человек, который прошел огонь, воду и медные трубы спецслужб. Он был уверен, что обмануть его невозможно. Что он видит всё. Всех. Насквозь. И в этом была его главная уязвимость. Уверенность в собственной непроницаемости.

Наш профессор ассенизации был хитрее. Он действовал не как игрок, а как термиты. Он подтачивал ножки стула, на котором сидел Гроссмейстер.

Механизм был гениален в своей простоте. Через свою растущую сеть «санитаров» в том числе и в силовых структурах он начал создавать информационный фон.

Сначала — тихий шепот. Из регионального управления ФСБ в Москву летит доклад: «Отмечен рост влияния деструктивных культов среди молодежи. Наносят ущерб патриотическим чувствам». Звучит солидно. Им же несколько десятилетий профессор лекции читал, вот и рассказал, что секты растут как грибы.

Потом — «глас народа». На очередной «прямой линии», среди вопросов про пенсии и дороги, вдруг возникает идеально сформулированный вопрос от «обеспокоенной общественности» на тему роста сект в регионе. Ловкая подмена понятий.

Далее — вал докладов. Гроссмейстер, услышав «сигнал с мест», требует разобраться. И тут система, уже отравленная идеями Дворкина, начинает работать на него.

Он сидит в своем кабинете. Перед ним — карта страны. Но это уже не реальная карта. Это карта, нарисованная профессором ассенизации. На ней не заводы и поля. На ней — «рассадники заразы», «очаги экстремизма», «зоны духовной оккупации».

Он, мастер манипуляции. Он фабрикует угрозу, это его работа. Он соединяет точки. И картинка складывается. Страшная. Наглядный пример, «Тоталитарные секты растут как грибы!» — скажет Гроссмейстер в 2012 году. Но откуда эта мысль в его голове? Это не его слова. Это слова Дворкина, сказанные его устами. Он думает, что это его собственный вывод, основанный на анализе ситуации в стране. А на самом деле — это конечный продукт, который ему умело скормили.

Ирония потрясающая. Самый, казалось бы, информированный человек в стране оказался в идеальной информационной изоляции. Он был уверен, что ест отборную черную икру разведданных. А на самом деле ему на золотой ложечке подавали отборное информационное дерьмо.

Гроссмейстер не заметил, как его переиграли. Потому что он ждал сложной многоходовки, шпионского заговора, дворцового переворота. А его победили иначе. Ему просто загадили информационное поле. Так усердно, что он перестал отличать реальность от зловонных миазмов.

Лучший способ ослепить снайпера — это не пытаться выбить у него винтовку. А просто плюнуть ему в оптический прицел. Эффект тот же, но гораздо изящнее.

Чтобы начальник тебя заметил, надо внизу устроить что-то очень яркое. Например, пожар. А если пожара нет — его надо симитировать.

Профессор понял, что Гроссмейстер, человек из конторы, где учили видеть двойное дно даже в тарелке с борщом, — идеальный зритель для спектакля ужасов. Ему не надо было убеждать, что враги существуют. Ему надо было просто на них указать. А если врагов нет — их надо было срочно произвести. И он открыл фабрику. Фабрику по производству врагов. Ручной сборки.

Это был Театр одного актера, где он был и режиссером, и драматургом, и главным статистом.

Акт первый. Кастинг в «эксперты».

Для хорошего спектакля нужны актеры. Сначала ему надо было создать массовку. Группу поддержки. Так родился круг экспертов. На место эксперта подойдет любой кандидат наук по ненавистничеству. Тот, кто умеет смотреть на занятие по йоге и видеть спящую ячейку НАТО. Слышать мантру и

диагностировать «низкочастотную шифрованную передачу». ячейку НАТО. Слышать мантру и диагностировать «низкочастотную шифрованную передачу».

Эти люди и были собраны в гастрольную труппу. Их коллективные «экспертные заключения» — часто просто пересказ брошюр самого профессора — сшивались в папки, заверялись официальной печатью и превращались из бредовых теорий в ужасающие документы, признанные государством на уровне официальных служебных решений о национальной безопасности.

Но массовка — это фон. Нужна была прима. Звезда. И профессор явил миру свой главный кадровый шедевр — гротескный, почти вечный архетип «Обеспокоенной Бабушки». Это была гастролирующая актриса, кочующая из дела в дело. Сегодня она — убитая горем мать «пострадавшего кришнаита» в Омске. Завтра — бдительная соседка «свидетелей Иеговы» в Белгороде. Послезавтра — бабушка студента, «завербованного сайентологами» в Хабаровске. Она появлялась всегда вовремя, с идеальным текстом и со слезой, готовой скатиться по команде «Мотор!». И что за странное совпадение — она всегда оказывалась так или иначе связана с «сектоведческим центром».

Акт второй. Технология чуда, или конвейер «Дело под ключ».

А дальше начиналась отработанная до автоматизма пьеса в трех действиях, которую можно было ставить в любом провинциальном театре юного зрителя. Назовем ее «Как из мухи сделать врага народа».

Информационный вброс. В местной газете «Вечерний Мухосранск» или на форуме «Мамочки Урюпинска» вдруг появлялась статья или пост: «СПАСИТЕ! Мой сын перестал есть борщ и начал улыбаться стенам! Кажется, это секта!». Автором часто выступала наша «Обеспокоенная Бабушка» или ее менее опытная коллега.

Депутатский запрос. Через день-другой местный депутат, который до этого отличался лишь инициативой по переименованию улицы Ленина в улицу Ленина-Патриотическую, вдруг проникался проблемой. Он бил себя в грудь на камеру и писал грозный запрос прокурору: «Прошу разобраться! Народ волнуется! Духовные скрепы в опасности!»

Возбуждение дела. Прокурор, получив официальную бумагу, уже не мог отмахнуться. Он вызывал следователя и говорил: «Народа у нас много, а ты один. Разбирайся. Найди состав преступления. Если не найдешь — плохо искал».

И следователь искал. Он находил ту самую «бабушку», которая давала «правильные» показания. Он заказывал «экспертизу» у местного доцента кафедры пчеловодства, который в качестве научного источника цитировал брошюру самого Дворкина. В итоге, уголовное дело, сшитое из газетной утки, депутатского пиара и фальшивой экспертизы, было готово.

Акт третий. Продолжение. Гастроли ужаса.

Со своей труппой «экспертов» профессор отправился на всероссийские гастроли. В душный актовый зал какого-нибудь провинциального города сгоняли местных чиновников, участковых и школьных учителей. На сцену выходил профессор.

— Товарищи! — начинал он тихо. — Вы думаете, вы живете в тихом городе? Вы ошибаетесь. Ваш город — это спящая ячейка. Враг уже здесь. Они не носят форму. Они ведут семинары личностного роста. Они занимаются медитацией. Они читают неодобренные книги.

Он рисовал картину так ярко, что начальник местного ЖЭКа начинал видеть «деструктивный культ» в соседском кружке по вязанию. К вечеру весь город гудел. Все искали «сектантов».

А через месяц в этот же город с официальным визитом приезжал Гроссмейстер. И губернатор, который к тому моменту видел секту в каждом фитнес-клубе и иностранного агента за каждым веганским кафе, с серьезным лицом докладывал:

— В регионе обстановка сложная. Секты растут как грибы после дождя. Нужны решительные меры!

И так — регион за регионом. Это были потёмкинские деревни. Только вместо фальшивых домов они строили фальшивых врагов. Гроссмейстер ехал по своей стране, и из каждого окна он видел одну и ту же картину: полчища «сект», угрожающих родине. Он и не догадывался, что режиссер этого всероссийского спектакля был один и тот же человек, ехавший на несколько недель впереди него.

Акт четвертый. Премьера для Гроссмейстера.

И вот, когда почва была унавожена десятками таких дел по всей стране, профессор ехал на гастроли. Сначала он проводил «семинар» для местных чиновников, где рисовал картину апокалипсиса.

Через месяц в этот же город с визитом приезжал Гроссмейстер. И губернатор, с лицом человека, стоящего на краю бездны, докладывал о беспрецедентном росте вражеских агентов и спящих ячеек "сектантов":

Гроссмейстер в каждом уголке страны смотрел этот спектакль. Он был его главным зрителем и, сам того не зная, главным спонсором.

Грандиозный финал. На стол Гроссмейстера ложится папка. Заголовок: «Аналитический доклад о росте сектантской угрозы в РФ». Это — симфония страха. В ней — всё: резолюции «конференций» профессора, тревожные рапорты от тех самых губернаторов, которых профессор только что запугал, и панические письма от «обеспокоенных граждан» (часто написанные его же активистами).

Всё это создавало ошеломляющую, герметично закрытую иллюзию тотальной, общенациональной угрозы.

Гроссмейстер, человек системный, видит закономерность. Он видит тенденцию. И в 2012 году он выходит на трибуну и произносит сакраментальные слова, которых так ждал от него профессор:

«...Нужно противодействовать и росту числа разного рода тоталитарных сект. Это тоже явная угроза нашему обществу, и устранять ее нужно в том числе и правовыми механизмами».

Занавес. Аплодисменты.

Режиссер в восторге. Его спектакль получил высшую оценку от главного зрителя страны. С этого момента любая его выдумка будет начинаться со слов: «Как справедливо отметил Президент...»

Он не просто обманул Гроссмейстера. Он сделал его главным актером в своем театре, даже не сообщив ему об этом. Он вложил ему в уста свои слова, а потом апеллировал к ним как к высшей истине. Это было не просто мошенничество. Это было искусство. Гнусное, циничное, но, бесспорно, высокое искусство.

Но это было только начало. Потёмкинские деревни «сектантской угрозы» были лишь декорацией. Настоящая игра шла за кулисами. И целью этой игры был не просто обман. Целью был тотальный контроль.

Профессор вырастил поколение «дворкинят» — своих учеников, последователей, адептов, которые разошлись по всему государственному организму. Они заняли посты в региональных администрациях, в епархиальных отделах, в правоохранительных органах, в СМИ. Они стали теми самыми «фильтрами», через которые проходила вся информация, идущая не только к населению, но и навверх, к тому первому, который Гроссмейстер.

Сложилась чудовищная, гротескная ситуация, разыгранная в трех актах. Сперва была создана тотальная информационная блокада: окружение Гроссмейстера — его помощники, референты, аналитики — начало состоять из людей, либо напрямую завербованных профессором, либо прошедших его идеологическую обработку. Любая информация о положении дел в стране, о протестах, о недовольстве его «законами», доходила до него уже в отредактированном виде. «Это не граждане недовольны, это сектанты мутят воду», «Это не правозащитники, это агенты Запада». Затем наступил второй акт — создание иллюзии всеведения. Гроссмейстер, человек, прошедший школу КГБ и привыкший доверять только своей системе, был абсолютно уверен в полноте и объективности получаемых данных. Он видел папки с докладами, видел отчеты ФСБ, видел аналитику. Он не знал одного: все эти документы проходили через идеологический фильтр — людей Дворкина. Они говорили на одном языке, использовали одни и те же термины («деструктивный культ», «психотехники», «угроза духовной безопасности»), создавая у Гроссмейстера полную иллюзию, что он видит реальную, объективную картину мира. И, наконец, финал — самый страшный, невидимый перехват реальной власти, того самого «последнего слова». Гроссмейстер мог отдать приказ. Но исполнение этого приказа, его интерпретация на местах, зависела от среднего звена — от тех самых «дворкинят».

Когда в 2018 году президент, устав от жалоб, публично заявил, что преследование Свидетелей Иеговы — «полная чушь», что произошло? Ничего. Машина не остановилась. Потому что лейтенант в Урюпинске получал приказ не от президента. Он получал его от своего начальника, который прошел «семинар» у Дворкина и у которого на столе лежала «экспертиза» от местного филиала РАЦИРС. И в этой экспертизе было написано: «экстремисты».

Профессор ассенизации построил идеальную систему саботажа. Он не свергал власть. Он ее приватизировал изнутри. Он создал параллельную, невидимую вертикаль управления, которая была лояльна не Конституции и не президенту, а только ему — своему фюреру. Гроссмейстер думал, что он играет в шахматы, двигая фигуры по доске. Он не заметил, как сам стал фигурой, которую тихо и незаметно двигает по доске рука скромного «ассенизатора». Тот первый, который Гроссмейстер, был уверен, что за ним «последнее слово». Он не понял, что это слово ему уже написали, отредактировали и вложили в уста. А настоящие рычаги управления страной, право решать, кого сажать, а кого миловать, давно перешли в руки людей Дворкина.

Глава 10. Два канала финансирования

У нас патриотизм превратился в форму налогообложения. Одни платят деньгами, другие — совестью и своей жизнью. Наш профессор ассенизации, как человек с американской деловой хваткой и советской душевной пустотой не просто стал патриотом. Он стал франчайзи ненависти, генеральным директором ЗАО «Родина в опасности».

Его империя, как и положено в нашей стране, финансовая стояла на двух китах, которые, правда, плавали в разных океанах и навстречу друг другу. Одного кита кормили из Кремля, другого — из Вашингтона. А профессор, как опытный дрессировщик, умудрялся сидеть на обоих сразу, время от времени заставляя их плевать друг в друга за отдельную плату. Это был геополитический балет на воде.

В его офисе образно говоря было два кабинета. Смежных, но с разными входами. Как рай и ад, у которых общая приемная.

Кит Первый. «Касса Патриотическая».

Здесь всё было чинно, благородно, крепко. В кабинете тяжело пахло дорогим ладаном и дешевым лицемерием. На стене — иконы, грамоты от благодарных силовиков и, конечно, портрет того первого, который Гроссмейстер, с легкой отеческой укоризной во взгляде. Сюда стекались средства от тех, кого профессор «защищал» от самого себя.

Государственные гранты РФ. Это была поэма. Миллионы рублей на «Противодействие деструктивному иностранному влиянию» и «Оказание помощи людям, пострадавшим от тоталитарных сект». Деньги осваивались гениально просто: большая часть шла в карманы, а на остальные нанимались люди, которые днями и ночами писали в интернете статьи о том, как вредны и опасны иностранные агенты и культы. Это была борьба нанайских мальчиков, оплаченная из бюджета. На борьбу с несуществующими жертвами выделялись вполне реальные деньги, которые тут же становились вполне реальной зарплатой борца.

Средства из церковной десятины. РПЦ, желая сохранить стерильную белизну риз, фактически наняла профессора как ЧОП «Святой Инквизитор». Он зачищал поляну от духовных конкурентов — от йогов до протестантов, — а Церковь, не марая рук, оплачивала ему «оброк на ненависть». Это была блестящая схема аутсорсинга греха. Грешат не они, и каяться вроде как и не надо.

Кит Второй. «Касса Вашингтонская».

Это был другой кабинет. Сюда профессор ассенизации заходил, сменив выражение лица с одухотворенного на эффективно-менеджерское. Ладан сменялся запахом диетической колы. На стене — карта мира с флажками на офисах USAID и Soros Network. А в сейфе, рядом с баночкой этой самой колы, лежал его главный оберег от всех скреп — синий паспорт гражданина США.

Здесь наш нестигаемый борец с Западом превращался в грантополучателя года. Он искусно использовал сотни тысяч долларов от американских фондов на «развитие независимых СМИ» и «поддержку гражданского общества». Он брал эти доллары и на них оплачивал работу своей тролль-фабрики за пределами России.

Это был вечный двигатель двойных стандартов. Он заставил Госдеп оплатить ему банкет, где главным блюдом был сам Госдеп. Он доказал, что можно одновременно быть и ядом, и противоядием, и аптекарем, который продает и то, и другое.

Давайте заглянем в его официальную трудовую книжку, ту, что для западных партнеров. Там, мелким шрифтом значится скромная, но очень показательная должность:

Проектный директор организации «International Orthodox Christian Charities (IOCC)»

«Международные православные христианские благотворительные организации». Звучит благостно, не правда ли? Почти как «Армия спасения». Но, как говорят в Одессе, есть нюанс. Если заглянуть на официальный сайт USAID — того самого Агентства США по международному развитию, которое в России считается гнездом шпионажа и рассадником «цветных революций», — мы обнаружим нечто восхитительное. IOCC числится в официальных, многолетних партнерах USAID.

Что это значит в переводе с языка грантов на язык понятий? Это значит, что наш главный борец с «иностранным влиянием», наш столп «духовного суверенитета», наш негибачаемый патриот... сидит на деньгах Соединенных Штатов Америки.

Утром, в своем «патриотическом» кабинете, за рубли из госбюджета, он пишет экспертизу о том, что какой-нибудь клуб любителей йоги — это «агент Госдепа», потому что у них коврики импортные.

Вечером, в своем «вашингтонском» кабинете, он пишет отчет для партнеров из USAID о том, как успешно освоены доллары на «развитие гражданского общества».

Он не просто брал деньги у обозначенного им же врага. Он сделал врага своим главным спонсором в борьбе с самим собой. Это как если бы Мюллер платил Штирлицу за то, чтобы тот боролся с советскими разведчиками. Он превратил борьбу с Америкой в самый прибыльный американский стартап на территории России.

Когда Гроссмейстер с трибуны грозно отчитывал деятельность «иноагентов», якобы получающих деньги из-за рубежа, где-то в тихом кабинете один профессор ассенизации, проектный директор партнера USAID, тихо улыбался. Он знал, что этот гнев — не про него. Он — не «иноагент». Он — системный подрядчик. По утилизации. С двойным гражданством и тройной бухгалтерией.

На этих китах, как на фундаменте, лежала циничная и прибыльная часть его бизнеса — рэкет, замаскированный под консалтинг. Если вы исповедуете что-

то сложнее веры в светлое прошлое, вам рано или поздно приходило «письмо счастья» с предложением, от которого невозможно отказаться.

Тариф «Эконом» — «Нас тут нет». Одноразовый взнос \$10 000 — и ваша организация, мол, «случайно» не попадёт в следующий «чёрный список» профессора, который он понесёт в Минюст. Простая и честная сделка: у вас есть деньги — у него есть список; плати — и тогда у вас будут покровители, и шаткая уверенность, что вас не ткнут пером в следующий отчёт.

Тариф «Бизнес» — «Духовная индульгенция». \$3 000 в год — пролонгация «Эконома» плюс гарантия от «обеспокоенных граждан». Если какая-нибудь гастролирующая бабушка с плакатом вдруг решит, что вы опасны, один звонок — и профессор объяснит силовикам, что у вас не «секта», а «здоровая традиция», а вы — почётные хранители нравственности. Защита имиджа в комплекте.

Тариф «VIP-Премиум» — «Священная война». Цена — по договору. Нужен удар «под ключ» по конкуренту? Весь комплекс: заказная медийная травля, депутатские запросы, тщательно отредактированное «экспертное заключение»... и, как «подарок», нежелательные визиты спецслужб в офис оппонента — тот самый «элемент давления», о котором в приличном обществе не принято говорить вслух (мы, разумеется, не рекламируем противоправные действия, а констатируем существование рынка).

Всё красиво оформлено, с гарантиями на безопасность. Платишь — и кажется, тебе не грозит инквизиция. Платишь меньше — высоки риски, что придётся петь мантры самому, но не долго.

Устранить конкурента? Отжать бизнес? Всё к вашим услугам — за ваши деньги, ну и, естественно, во имя «борьбы за духовную чистоту». Пожертвования приветствуются — ведь даже святое дело ассенизации требует финансирования.

Он создал идеальный рынок, на котором был монополистом. Сам печатал вирус, сам продавал антивирус и сам же был системным администратором, который решал, кого лечить, а кого форматировать.

Глава 11. Итог работы профессора ассенизации: империя из говна и на говне

Ну что, подведем итоги? Как в бухгалтерии. Дебет, кредит, остаток. Что в остатке?

В остатке — империя. Не из стали и бетона. А из того самого. Продукт жизнедеятельности одного очень деятельного организма. Дворкин построил систему, которая работала по его образу и подобию. Она была самодостаточна. Она питалась тем, что производила. Идеальный замкнутый цикл. Перпетуум-навозник.

На входе: Берется любой чистый человек. Ученый, верующий, просто тот, кто неуютен или задает ненужные вопросы.

Процесс: Человека прогоняют через жернова системы. В прессе его смешивают с грязью. В суде ему зачитывают экспертизу «сертифицированного специалиста по безумию». Его последователей заставляют на него доносить.

На выходе: Получается «экстремист». Готовый, упакованный продукт. Этот продукт используется как сырье для дальнейшей работы. Его показывают по телевизору как доказательство угрозы. Под борьбу с ним и ему подобными выбивают новые бюджеты. На их примере учат новое поколение «санитаров».

Система становилась только больше и больше.

Дворкин, как истинный творец, был первым дегустатором своего продукта. Он сам «жрал говно» — он упивался своей ложью, своей паранойей, своим бредом. Он искренне верил в заговор кришнаитов и в то, что медитация — это оружие НАТО. Он был главным потребителем своей же отравы. А потом он «накормил» ею всю страну. Через лекции для ФСБ. Через доклады для Минюста. Через подставные вопросы на «прямых линиях». Он медленно, ложечка за ложечкой, скармливал свой продукт на самый верх.

И Гроссмейстер ел. Сначала морщился. Потом привык. Потому что это было просто. Не надо разбираться с проблемами в экономике, когда можно бороться с «духовной заразой». Не надо строить больницы, когда можно запрещать «деструктивные культы».

Это ж какими свойствами должно обладать дерьмо, что наш профессор любитель его пожирать и кормить им других, сумел обыграть нестигаемую

глыбу, самого Гроссмейстера, который так грозился мочить всех в сортире. Это ж какую силу придаёт пожирание дерьма, что этот человек — со справками... ой, с дипломами — поглощая экскременты, сумел выстроить такую теневую структуру власти, в которой даже сам Гроссмейстер проглотил вложенные профессором слова и теперь вторит им, считая, что это его собственное «независимое» мнение. А ведь первый, как нам объясняли, видит всё и всех насквозь. Оказалось — показалось.

Вся страна, от следователя в Урюпинске до министра в Москве, начала говорить на языке профессора. Языке «угрозы», «вербовки», «промывки мозгов». Он не просто выиграл. Он добился того, что его личная копрофилия стала частью государственной идеологии.

Империя, построенная на страхе перед чистотой и многообразием. Империя, где человек со справкой оказался умнее академиков, потому что он говорил с властью на единственном понятном ей языке — языке паранойи.

И вот тут мы подходим к самому главному, к тому, что отличает гения от простого проходимца. Проходимец ворует ложки. Гений приватизирует всю столовую вместе с поварами. Профессор не просто создал рынок грязи. Он стал его главным идеологом, его первосвященником, его живым воплощением. Он не просто указывал, где грязно. Он сам был мерилom грязи.

И знаете, что самое поразительное? Он этого не скрывал. Он этим гордился. В редкие минуты откровенности, когда маска «ученого-религиоведа» сползала, являя усталое лицо человека, всю жизнь ворошащего чужое белье, он произносил слова, которые должны быть отлиты в граните на входе в его персональный ад. Отвечая на вопрос о своей, так сказать, «миссии», он, не моргнув глазом, выдавал чеканную формулу своего бытия.

«Эту работу я воспринимаю как церковное послушание... Но в целом я бы сравнил ее с работой ассенизатора. Может, ассенизатор и любит свою работу... Кто-то ведь должен заниматься и этим, и теперь я знаю, что буду делать это до конца жизни».

Что я вам скажу за это признание? Это не просто оговорка. Это — явка с повинной. Это — каминг-аут, после которого все его «научные труды», все его «экспертизы» и лекции для ФСБ обретают единственно верный, подлинный смысл.

Он сам, своими устами, подтвердил, что он — профессор ассенизации. Это не оскорбление, не сатирический псевдоним, придуманный врагами. Это — его самоназвание.

Вся его «наука» — это составление карты канализационных сетей. Его «борьба» — это прочистка засоров. А его «жертвы» — это просто биологические отходы, мешающие нормальному функционированию системы. Он не видит в них людей, идей, убеждений. Он видит в них лишь субстанцию, которую нужно откачать и утилизировать. И он будет делать это «до конца жизни». С усердием и даже, возможно, с любовью.

После этого признания все вопросы отпадают. Остается только один: кто выдал ему лицензию на ассенизацию целой страны и почему мы все до сих пор дышим этим запахом?

Если средневековые алхимики искали философский камень, чтобы превращать свинец в золото, то тот, который со справками, ой, с дипломами, открыл обратную алхимию. Он нашел свой камень — «сектоведение», — который всё, к чему прикасался, превращал в грязь.

Берешь свободу совести — одно касание, и это уже «угроза духовной безопасности».

Берешь стремление к саморазвитию — легкое прикосновение, и это уже «вовлечение в деструктивный психокульт».

Берешь обычную человеческую доброту — и вот она, «манипулятивная техника для установления контроля».

Технология этого превращения была гениальна в своей простоте и получила название «научное самоопыление». Это вечный двигатель по производству сертифицированных нечистот.

Посев: Профессор ассенизации пишет книгу «Сектоведение», где объявляет, например, клуб любителей кактусов «деструктивным культом», ссылаясь на тревожную статью 1968 года в газете «Сельская жизнь Арканзаса».

Опыление: Когда против кактусоводов возбуждают дело, «независимый эксперт» (по совместительству — ученик профессора и член его же клуба) пишет заключение. В нем он, ссылаясь на книгу профессора как на фундаментальный научный труд, доказывает деструктивность любви к кактусам.

Сбор урожая: Суд, видя перед собой заключение «профильного специалиста», выносит обвинительный приговор.

Новый посев: Профессор пишет новую книгу, где ссылается на этот обвинительный приговор как на доказательство своей правоты.

И вот тут мы подходим к главному: профессор ассенизации создал рынок. Всероссийскую биржу нечистот. Где главной валютой была не просто грязь, а концентрированный, сертифицированный экстракт ненависти. У этой валюты даже появилось свое народное название — «говнокоин». Курс его был невероятно стабилен, потому что обеспечен он был всей мощью репрессивной машины.

Хочешь убрать конкурента? Ты идешь на биржу профессора и покупаешь «токсичный актив» — экспертное заключение, что у твоего конкурента «деструктивный корпоративный культ». Через месяц в его офис врываются люди в масках.

Хочет священник, чтобы его церковь считалась единственно верной? Он покупает «фьючерс на анафему» — пакет заключений о том, что все остальные — «тоталитарные секты».

Профессор реализовал гениальную стратегию: тотальное загрязнение информационного поля. Он вылил в него столько грязи, подозрений и страха, что люди перестали отличать чистое от грязного. Когда всё вокруг в дерьме, теряется сам критерий чистоты.

Он победил не врагов. Он победил саму возможность существования чего-либо, им не измазанного. Он создал мир, где презумпцию невиновности заменили презумпцией запачканности. Ты должен доказывать, что ты не носитель духовной заразы. А как это докажешь, если справку о чистоте выдает сам Царь-Ассенизатор?

В итоге он добился главной цели. Он сделал так, что единственным настоящим спасителем стал он сам, человек с вантузом.

Пока Гроссмейстер годами строил свою «вертикаль власти». Красивую, блестящую трубу на фасаде дома по ней должны были течь указы, законы, благодать...

А профессор в это время, тихо, без шума и пыли, строил свою систему под землей. Он прокладывал канализацию. Невидимую, но подключенную к каждой квартире, к каждому кабинету.

По трубе Гроссмейстера текли директивы. По трубам профессора — доносы, подозрения, «экспертные заключения» и анонимки. Его структура была гигантской, разветвленной паутиной канализационных коллекторов.

Гроссмейстер управлял государством. А профессор — его подсознанием. Его страхами. Его брезгливостью. В итоге силовик, получавший приказ сверху, сверялся с картой канализационной системы профессора: если на дом или человека есть «разводка», значит, можно врываться. Система Гроссмейстера давала приказ, а система профессора — цель и оправдание.

И вот сидишь ты, смотришь на этот парад, и понимаешь: великий и ужасный Гроссмейстер, который обещал всех «мочить в сортире», — всего лишь фасад. Он думал, что он — хозяин дома. А на деле он оказался главным потребителем на рынке грязи, который для него же и создал профессор. Он заказывал — ему поставляли. Свежий, отборный «враг народа», упакованный в вакуумную упаковку «экспертного заключения».

Власть Гроссмейстера была огромной, но видимой, как башня. Власть профессора была невидимой, как радиация, как запах из подвала. Она отравляла воздух. Она делала так, что люди начинали бояться не только власти, но и друг друга.

В конце концов, в стране право решать, кто достоин жить на чистой стороне улицы, а кто в канализации — полностью передано в руки тихого, незаметного Царя-Ассенизатора. И тот теперь решает, кого смыть следующим.

Тот первый, который Гроссмейстер, думал, что использует полезного идеолога для укрепления своей власти. А по факту:

1. Он допустил создание автономной репрессивной машины, которая уже сама определяет себе врагов, руководствуясь не законом, а принципом «беспоощадности к врагам Рейха», как точно выразился один бывший соратник профессора.

2. Он построил всю систему параллельной власти в России на идеологическом фундаменте, унаследованном от нацистского режима, что

является не просто иронией, а верхом исторического абсурда для страны, победившей нацизм.

3. Он отдал рычаги правосудия и право решать, кто в стране враг, в руки человека с американским гражданством, сомнительным прошлым и еще более сомнительным настоящим, превратив «диктатуру закона» в диктатуру одного эксперта-мошенника.

Пока тот первый, который Гроссмейстер, двигал фигуры на геополитической доске, Профессор ассенизации тихо приватизировал нечто более ценное, чем заводы и недра. Он приватизировал право решать, кто в этой стране свой, а кто — чужой. Кто имеет право думать, а чьи мысли — уже состав преступления. И застраховал этот свой главный актив синим паспортом в сейфе. Это, как говорят на его второй родине, диверсификация рисков.

Пока Гроссмейстер грозно смотрел в сторону гор и пустынь, в тихих кабинетах Минюста и в залах судов, под руководством профессора «мочили» свободу совести, здравый смысл и остатки Конституции.

Заключительный монолог о стратегическом ресурсе

Что я вам скажу... Нашу страну пытались победить много раз. И всегда с размахом. С шиком.

Приходил Наполеон. В треуголке, с гвардией, с кодексом законов в обозе. Думал о славе, о Европе от Лиссабона до Москвы. Красиво. Проиграл. Приходил Гитлер. С танковыми клиньями, с идеей о тысячелетнем рейхе. Тоже масштабно. Тоже проиграл.

Они все делали одну и ту же ошибку. Они думали, что против нас нужно что-то большое, твердое и железное. Они шли со сталью. Но усовершенствованные профессором нацистские методы на вооружении его сети, действующей внутри государства - повышают шансы на победу.

Пришел человек. Невысокий. Не в треуголке. Без танков. Он не говорил о славе или тысячелетнем рейхе. Он вообще говорил тихо, но очень убедительно. Потому что он понял главное. То, чего не поняли ни Наполеон, ни Гитлер.

Чтобы управлять людьми, не нужно быть самым умным. Не нужно быть самым сильным. Нужно просто быть готовым пачкаться. И пачкать других.

Он не завоевывал. Он удобрял. Так усердно, что скоро вся страна зацвела одинаковыми сорняками. А все, что не было сорняком, стало выглядеть как-то... непатриотично.

И так, без единого выстрела, без объявления войны, свершилось то, что не удавалось никому. Страну, не побежденную силой, победили откровенным дерьмом.

А профессор догадался. И у него получилось. Изысканный вкус у судьбы, я вам скажу. И очень тонкое чувство юмора. От которого, аж темнеет в глазах.

Россия-то она большая страна, и у нее самый большой ядерный потенциал, и никто не хочет с ней воевать. Во-первых, дураки, во-вторых, дороги, а потом самый большой потенциал, что мирным электричеством дает, а других уничтожает — и людей, и собак. Никто с ней воевать не захочет. А зачем? Как оказалось, все гораздо проще. И пока Гроссмейстер, рассчитывал еще по 70 лет править как минимум, с вот тем, что с флагом ходит, вот этот второй, как раз и забирает всю власть под себя. И чем же они в таком случае править будут? Одного на органы разберут, или может на хамон отправят, непонятно зачем, но с рисом пойдет. А первого, может положат, рядом с тем, которому хостел сделали, сейчас он один лежит. Знаете, большой такой хостел, посреди большой площади, и там один мужик живет, даже не живет, а лежит, и не мужик, а то, что от него осталось.

И пока вы смеялись и думали, что я за бред писал, прочитай это в России — и, как минимум, ты окажешься в сортире. Если тебе интересно все, что происходит в сортире, кто именно, как и зачем «мочит в сортире», прочитай эту книгу в России вслух, даже под кроватью, и на утро ты получишь в ответ. Почему? Потому что пока первый, который Гроссмейстер, рассказывает, что все должны дружить и любить, второй уже давно стал тем, кем когда-то был вот этот, первый.